

ДЕТЕКТИВ 2.0: МИРОВОЙ УРОВЕНЬ

АНЖЕЛА МАРСОНС

An abstract, expressive painting serves as the background. It features a woman's face in profile, looking towards the right. The face is rendered with cool, teal and blue tones. Her hair is depicted with vibrant, swirling strokes of orange, red, and yellow. The lower portion of the image is dominated by dense, energetic brushstrokes in shades of red and orange, creating a sense of movement and intensity.

НЕМОЙ КРИК

Детектив 2.0: мировой уровень

Анжела Марсонс

Немой крик

«ЭКСМО»

2015

УДК 82(187)
ББК 84(7 Сое)

Марсонс А.

Немой крик / А. Марсонс — «Эксмо», 2015 — (Детектив 2.0: мировой уровень)

ISBN 978-5-699-90616-1

Этот роман Анжелы Марсонс стал безусловным международным бестселлером № 2, уступившим по продажам только «Девушке в поезде» Полы Хокинс. Археологи убеждены: в окрестностях Бирмингема, на территории давно сгоревшего детского дома, зарыт богатейший древний клад. Но городские власти упорно не желают выдавать разрешение на раскопки. Это кажется странным инспектору полиции Ким Стоун – особенно после того, как один за другим начинают погибать бывшие сотрудники детского дома. Тогда она, на свой страх и риск, раскапывает вместе с коллегами участок – и обнаруживает... останки трех девочек-подростков! Сопоставив факты, Ким приходит к выводу: эти стены и эта земля хранят какую-то страшную тайну, которую пытались и похоронить, и уничтожить в пламени, но она снова ожила – и теперь убивает всех причастных к ней. Инспектор понимает: чтобы найти преступника, надо сначала выяснить, что за трагедия произошла здесь много лет назад...

УДК 82(187)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-699-90616-1

© Марсонс А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Благодарности	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	45
Глава 14	46
Глава 15	50
Глава 16	52
Глава 17	55
Глава 18	60
Глава 19	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анжела Марсонс

Немой крик

Angela Marsons
SILENT SCREAM

© Angela Marsons, 2015. This edition published by arrangement with Lorella Belli Literary Agency and Synopsis Literary Agency

© Перевод на русский язык. А. С. Петухов, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Благодарности

Это одна из серии книг, над которой я сейчас работаю. Ким Стоун вошла в мою жизнь и теперь не хочет уходить. В моем воображении и на страницах книги она превратилась в сильную, умную женщину, которая, может быть, не всегда идеальна, но обладает страстью и настойчивостью и которую вы предпочли бы иметь на своей стороне.

Я хотела бы поблагодарить команду «Букотур» за то, что они разделяют мою увлеченность Ким и ее историями. Их энтузиазм, вера и поддержка были всеобъемлющими и вдохновляющими. Моя благодарность Оливеру, Клэр и Ким бесконечна, и я считаю для себя честью носить гордое имя писателя издательства «Букотур».

Я бы хотела отдельно поблагодарить Кешини Найду, мою прекрасную редакторшу и сказочную Крестную Мать, которая предоставляла мне свою поддержку на протяжении всего этого долгого пути. С момента нашей самой первой беседы она, совместно с остальной командой издательства, обеспечивала меня своими советами и поддерживала своей верой, которые превратили мои мечты в реальность.

Хочу поблагодарить всех писателей «Букотур» за то, что тепло приняли меня в свою семью. Их поддержка была действительно неоценима. Так что теперь, с появлением Каролин Митчелл, можно считать, что #bookouturecrimesquad полностью и надежно сформировано.

И, наконец, я хочу поблагодарить мою семью и друзей за их веру в меня, мои писательские способности и в мою мечту. Особые благодарности Аманде Николь и Эндрю Хайду за их постоянную поддержку.

Мои сердечные благодарности всем вам.

Посвящается моему партнеру, Джули Форрест, которая никогда не прекращала верить в меня и не позволяла мне забывать о своей мечте.

Пролог

Роули Регис, Черная Страна¹
2004

Пять фигур составили пентаграмму вокруг свеженасыпанного холмика. Только они знали, что на самом деле это могила.

Отрыть могилу в промерзшей, покрытой слоем льда земле было равносильно попыткам выдолбить отверстие в каменной плите, но они делали это по очереди. Все без исключения.

Рыть могилу для взрослого человека было бы дольше.

Лопата переходила из рук в руки. Некоторые из них выглядели нерешительными и осторожными, другие вели себя более уверенно. Но никто не отказался работать и не произнес ни слова.

Все они знали о том, что Бог призвал к себе невинную душу, но между ними существовало соглашение. Тайна должна быть надежно спрятана.

Пять голов склонились к земле, и пять человек представили себе тело, лежащее под слоем земли, уже успевшей покрыться свежей корочкой льда.

Когда первые снежинки припорошили могилу, по группе прошла дрожь.

Пять человек разошлись, и их следы остались на свежем, белоснежном снегу.

Все было кончено.

¹ Территория в Западном Мидленде к северу и западу от Бирмингема; во времена индустриальной революции считалась наиболее развитой в индустриальном плане частью Англии.

Глава 1

Черная Страна

Наше время

Терезу Уайатт не покидало странное ощущение, что нынешняя ночь будет ее последней ночью.

Она выключила телевизор, и в доме повисла тишина. Но это была не та тишина, которая окутывала все вокруг каждый вечер, когда дом и его хозяйка постепенно успокаивались и готовились ко сну.

Тереза не была уверена в том, что ожидала увидеть в выпуске вечерних новостей. Сообщение уже прошло в местной вечерней новостной программе. Может быть, она надеялась на чудо, на то, что в самый последний момент все это окажется «уткой»?

С момента самого первого запроса, поданного два года назад, Уайатт ощущала себя заключенным, ожидающим смертного приговора. Периодически перед ее глазами появлялись надзиратели, которые провожали ее к электрическому стулу, а потом, в самый последний момент, судьба возвращала ее в надежную и безопасную камеру. Но теперь это был конец. Тереза знала, что больше не будет ни новых обсуждений, ни дополнительных задержек.

Интересно, подумала она, а другие видели новости? Чувствуют ли они то же самое, что и она сейчас? Готовы ли признать, что их главной эмоцией является чувство самосохранения, а вовсе не угрызения совести?

Будь она более добродетельным человеком, точно испытала бы сейчас нечто похожее на них, скрытое под страхом за свою судьбу, но этого не происходило.

Если б она не придерживалась плана, то была бы уничтожена – Тереза не уставала повторять это себе самой. Тогда ее имя произносили бы с презрением, а не с тем уважением, которым она наслаждалась в нынешнее время.

Тереза не сомневалась, что к заявлению все отнеслись абсолютно серьезно. Источник был несколько странным, но заслуживающим доверия. Правда, его заставили замолчать навсегда – и она ни минуты об этом не жалела.

Хотя время от времени в эти годы, прошедшие после Крествуда, ее желудок вдруг сжимался при виде похожей походки, цвета волос или поворота головы.

Тереза встала и попыталась стряхнуть охватившую ее меланхолию. Пройдя в кухню, поставила в посудомоечную машину единственную тарелку и бокал для вина.

У нее не было ни собаки, которую надо было бы выгулять, ни кошки, которой требовалось бы открыть дверь. Просто последняя вечерняя проверка всех замков.

И опять женщина почувствовала, что это было бесполезным занятием, что ничто не сможет оградить ее от прошлого. Она прогнала эту мысль. Бояться абсолютно нечего. Все они заключили договор и выполняли его в течение десяти лет. Только пятеро знали правду. Тереза чувствовала, что слишком напряжена, чтобы немедленно заснуть, но она назначила на семь утра совещание, на которое не имела права опаздывать.

Войдя в ванную комнату, Уайатт включила воду, добавив предварительно в ванну щедрую порцию пены. Помещение мгновенно наполнилось ароматом лаванды. Горячая ванна, вместе с выпитым ранее бокалом вина, заставит ее заснуть.

Тереза ступила в ванну, рядом с которой, на ящике для грязного белья, были аккуратно сложены халат и ночная пижама, закрыла глаза и с облегчением погрузилась в воду. Напряжение стало ослабевать, и на лице ее появилась улыбка. Она начинает слишком болезненно воспринимать окружающее.

Тереза чувствовала, что ее жизнь разделилась на две части. Были тридцать семь лет до *ТОГО* – так она предпочитала называть жизнь до Крествуда. Эта жизнь была великолепна. Тереза была одинока и амбициозна и сама принимала все решения. И ни перед кем не отчитывалась.

А вот жизнь после Крествуда была совсем другой. В этой жизни за ней повсюду бродил страх – он диктовал ей, что надо делать, и влиял на ее решения.

Совсем как мир до и после рождения Христа.

Тереза помнила, как где-то прочитала, что совесть – это не что иное, как страх быть пойманным. Она достаточно честна перед самой собой, чтобы признать, что это было правдой – по крайней мере, в том, что касалось ее.

Но их тайна надежно похоронена. По-другому и быть не может.

Неожиданно женщина услышала звук разбившегося стекла. И донесся этот звон не откуда-то издалека – он прозвучал у нее на кухне.

Она лежала абсолютно неподвижно и напряженно вслушивалась в тишину. Такой звук не мог привлечь ничьего внимания. Следующий дом находился на расстоянии двухсот футов² от ее жилища, а с другой стороны ее дома высилась живая изгородь из двадцатифутовых кипарисов.

Атмосфера в доме сгустилась. Тишина, которая последовала за звуком разбитого стекла, была полна угрозы.

Может быть, это просто бездумный акт вандализма? Может, пара учеников из школы Святого Иосифа узнали ее домашний адрес? Боже, пусть это будет именно так!

Кровь громко стучала у Терезы в висках. Она сглотнула, пытаясь прочистить уши.

Тело начало реагировать на ощущение того, что она не одна в доме. Испуганная женщина села. Звуки воды, заплескавшей в ванне из-за того, что она поменяла позу, прозвучали как гром. Рука Терезы соскользнула с фаянсового края ванны, и она опять погрузилась в воду – всей своей правой стороной.

Звук, донесшийся снизу от лестницы, разрушил остатки надежды на бездумный акт вандализма.

Тереза поняла, что ее время закончилось. Где-то в другой, параллельной вселенной ее тело напряглось, реагируя на опасность, но в реальности и ее тело, и мозг замерли в ожидании неотвратимого. Она понимала, что прятаться ей больше некуда.

Услышав скрип ступеней, женщина прикрыла глаза и приказала себе оставаться ослабленной. Она даже почувствовала какую-то свободу, столкнувшись, наконец, лицом к лицу со страхами, которые ее преследовали.

Ощувив, как в комнату проник прохладный воздух, Тереза открыла глаза.

Вошедшая фигура была одета во все черное и, как тень, выглядела лишенной каких-либо индивидуальных черт. Рабочие брюки и толстый свитер из овечьей шерсти были прикрыты длинным пальто, а лицо скрывала шерстяная балаклава³. «Почему я?» – билась в голове Терезы отчаянная мысль. Она отнюдь не была самым слабым звеном.

– Я ничего никому не сказала, – произнесла женщина, покачав головой. Ее слова были едва слышны. Все ее чувства замерли, а тело приготовилось к смерти.

Черная фигура сделала два шага в ее сторону. Уайатт попыталась определить, кто это, но не смогла. Однако она знала, что это мог быть только кто-то из четверых.

Тело Терезы предало ее, и в ароматную воду пролилась моча.

– Клянусь... никому... – Ее слова затихли, пока она пыталась сесть в ванне. Пена сделала фаянсовую поверхность очень скользкой.

² Фут – английская мера длины, равная приблизительно 30 см.

³ Вязаная шапка с отверстиями для глаз.

Женщина дышала тяжело и хрипло, думая о том, как лучше вымолить жизнь. Она вовсе не хотела умирать. Ее время еще не пришло. Она к этому не готова. У нее еще остались дела...

Неожиданно она представила себе, как вода наполняет ее легкие, раздувая их, словно воздушные шары. Она умоляюще протянула руку и смогла, наконец, заговорить:

– Прошу вас... умоляю... нет, я не хочу умирать...

Фигура наклонилась над ванной и прикрыла руками в перчатках ее груди. Тереза почувствовала, как на нее давят, пытаясь погрузить под воду, и опять попыталась сесть. Ей надо было постараться объясниться, но руки давили на нее все сильнее и сильнее. Она еще раз попробовала изменить свое положение, но все было напрасно. Земное притяжение и грубая сила лишили ее всякой возможности сопротивляться.

Когда вода подобралась к ее лицу, Тереза открыла рот и коротко всхлипнула.

– Клянусь... – попыталась она в последний раз.

Ей не дали договорить, и Тереза увидела, как у нее из носа стали подниматься воздушные пузыри и лопаться на поверхности. Волосы полоскались вокруг лица.

Фигура мерцала по другую сторону водной поверхности.

Тело Терезы стало реагировать на недостаток кислорода, и она попыталась подавить охватывающую ее панику. Затем замолотила руками по воде, и одна рука, затянутая в перчатку, соскользнула с ее груди. Женщине удалось поднять голову над водой и взглянуть в холодные, пронизывающие насквозь глаза. Узнавание лишило ее последней возможности дышать. Короткого мгновения смятения оказалось достаточно для нападающего, чтобы сменить позу. Под давлением обеих рук тело Терезы погрузилось в воду, да так там и осталось.

Но даже когда женщина стала терять сознание, она все еще не могла поверить в увиденное.

Тереза поняла, что ее подельники даже представить себе не могут, кого им надо бояться.

Глава 2

Ким Стоун повернулась к «Кавасаки Ниндзя»⁴, чтобы отрегулировать звук своего айпода. Из динамиков лились серебряные звуки «Летнего концерта» Вивальди, приближающегося к любимой части Ким – финалу, называемому Грозой.

Она положила торцовый ключ на верстак и вытерла руки ветошью. Перед нею стоял «Триумф Тандербёрд»⁵, который она реставрировала последние семь месяцев, но сегодня он почему-то совсем не заводил ее.

Ким взглянула на часы. Почти одиннадцать. Ее коллеги как раз сейчас вываливаются из «Собаки». Сама она не дотрагивалась до алкоголя, но всегда сопровождала их в тех случаях, когда считала, что заслужила это.

Женщина снова взяла торцовый ключ и опустилась на колени перед «Триумфом».

Сегодня ей нечего было праздновать.

Когда Стоун залезла во внутренности мотоцикла и нащупала конец коленвала, перед глазами у нее встало полное ужаса лицо Лауры Йейтс. Она надела головку на гайку вала и стала двигать ключом вправо-влево.

Три доказанных случая изнасилования надолго укутут Теренса Ханта за решетку.

– Но недостаточно надолго, – сказала Ким самой себе.

Потому что была еще четвертая жертва.

Она повернула ключ еще раз, но гайка не хотела заворачиваться. Женщина уже успела собрать подшипники, звездочку, хомут и ротор – гайка была последней частью этой головоломки, и эта чертова штука отказывалась заворачиваться.

Ким посмотрела на гайку и мысленно приказала ей двигаться, ради ее же собственного блага. Никакого эффекта. Тогда Стоун сосредоточила все свое недовольство на ручке ключа и нажала на нее изо всех сил. Резьба сорвалась, и гайка свободно провернулась.

– Черт бы тебя побрал! – воскликнула Ким, швыряя ключ через весь гараж.

Лаура Йейтс вся тряслась на свидетельском месте, вспоминая о том, как ее затащили за церковь, а потом грубо насиловали и издевались над нею в течение двух с половиной часов. Они сами могли видеть, как тяжело и больно ей садиться. И это через три месяца после изнасилования...

Девятнадцатилетняя девушка сидела в суде все то время, пока присяжные произносили «виновен» по трем предыдущим эпизодам изнасилования. А потом они произнесли слово, которые навсегда изменило ее жизнь. «НЕВИНОВЕН».

Но почему? Потому что девушка была не вполне трезвой. И не говорите нам об одиннадцати швах, наложенных спереди и сзади, о сломанном ребре и синяках под глазами. Она сама на это напросилась, и все из-за того, что выпила эти две несчастные порции алкоголя...

Стоун почувствовала, как ее руки затряслись от ярости.

Ее сотрудники считали, что три из четырех – это не такой уж плохой результат. И так оно и было. Но не для Ким.

Она наклонилась, чтобы оценить урон, нанесенный мотоциклу. Ей пришлось потратить почти шесть недель, пока она разыскала эти необходимые чертovy гайки.

Ким вновь накинула головку торцового ключа и стала осторожно, двумя пальцами поворачивать его. В этот момент зазвонил ее мобильный. Она бросила гайку и вскочила. Звонки почти в полночь никогда не предвещали ничего хорошего.

– Инспектор Стоун.

⁴ Модель спортивного мотоцикла.

⁵ Одна из моделей культовой английской мотоциклетной фирмы «Триумф».

– У нас тут труп, мэм.

Ну конечно! А чего еще она ожидала услышать?

– Где?

– Хэгли-роуд. Сторбридж.

Ким знала это место. Оно находилось прямо на границе с соседним графством, Западной Мерсией.

– Нам позвонить сержанту Брайанту, мэм?

Ким скривилась. В тридцать четыре года она еще не была готова к тому, чтобы ее называли «мэм». Она это слово просто ненавидела.

В голову ей пришла мысль о коллегах, которые с трудом забирались в такси перед «Собакой».

– Да нет, я думаю, что сама справлюсь, – сказала она и разъединилась.

Задумавшись на пару мгновений, Ким уменьшила звук айпода. Ей надо выбросить из головы то осуждающее выражение, которое она увидела в глазах Лауры Йейтс, – не важно, было ли оно реальным или воображаемым, но она его видела. И никак не могла забыть.

Теперь Стоун крепко запомнит, что закон, в который она твердо верила, не смог помочь тому, кого призван был защищать. Ведь это она убедила Лауру поверить и в нее, и в систему, которую она представляла. Так что Ким не могла избавиться от ощущения, что эту девушку предали. И она и система.

Глава 3

Через четыре минуты после звонка Ким уже отъезжала от тротуара на десятилетнем «Гольфе GTI», которым пользовалась только при гололеде и в тех случаях, когда рев мотора «Ниндзя» воспринимался бы как вызов обществу.

Порванные джинсы, вымазанные в масле, краске и грязи, были заменены на черные холщовые брюки и простую белую футболку. На ногах у Стоун были черные кожаные ботинки с каблуками в четыре дюйма⁶. Ее короткие черные волосы не требовали большого ухода – достаточно было провести по ним растопыренными пальцами, и она была готова.

Ее клиент точно не будет возражать против такого внешнего вида.

Ким направилась в конец улицы. Машина в ее руках ощущалась чем-то инородным, и хотя она и была совсем маленькой, Стоун приходилось тщательно контролировать дистанцию до автомобилей, мимо которых она проезжала. Окруженная таким количеством металла, Ким чувствовала себя громоздкой и неповоротливой.

За милю до места назначения в машину стал проникать запах гари. Он становился все сильнее. За полмили до места назначения Ким увидела столб дыма, который казался выше Клентских холмов. За четверть мили Стоун поняла, что едет прямо на него.

Уступая по численности только лондонской, полиция Западного Мидленда работала на территории, которую населяли 2,6 миллиона человек.

Черная Страна располагалась к западу и северу от Бирмингема и уже во времена королевы Виктории была самой развитой в индустриальном плане частью страны. Название произошло от угольной пыли, которая покрывала почти всю территорию. В те времена пласт угля и руды высотой в тридцать футов, имевшийся в этом месте, был самым массивным на территории Великобритании.

А сейчас уровень безработицы здесь был на третьем месте в стране. Росло количество мелких преступлений, так же как и частота антисоциальных проявлений.

Преступление было совершено совсем рядом с шоссе, которое соединяло Сторбридж с Хэгли. Обычно такие места редко привлекают внимание преступников. Дома, расположенные ближе всего к дороге, были новенькими двойными зданиями, имевшими входы с двух сторон и сверкавшими белыми римскими колоннами по фасаду и затемненными стеклами окон. За ними располагались дома, которые были значительно старше и стояли довольно далеко друг от друга.

Ким подъехала к оцеплению и припарковалась между двумя пожарными машинами. Не говоря ни слова, она помахала своим значком перед офицером, который охранял периметр. Он кивнул и приподнял ленту, чтобы ей было легче пройти.

– Что случилось? – спросила Стоун у первого же попавшегося ей пожарного.

Он указал ей на остатки кипариса, стоявшего на самой границе участка.

– Огонь начался здесь, а потом распространился на остальные деревья еще до того, как мы успели приехать.

Ким заметила, что из тринадцати деревьев, которые росли вдоль границы участка, только два ближайших к дому остались неповрежденными.

– Тело обнаружили вы? – спросила она.

Пожарный ткнул пальцем в одного из своих коллег, который, сидя на земле, беседовал с констеблем.

⁶ Дюйм – английская мера длины, равная 2,54 см.

– Почти все соседи высыпали, чтобы понаблюдать за происходящим, но в самом доме не горело ни одной лампочки. Соседи уверяют, что черный «Рейнджровер» принадлежал хозяйке и что она жила одна.

Ким кивнула и подошла к пожарному, который сидел на земле. Он был бледен, и Стоун заметила, что правая рука у него слегка дрожит. Находить трупы всегда неприятно, независимо от того, какая у тебя подготовка.

– Вы до чего-нибудь дотрагивались? – поинтересовалась Ким.

– Дверь в ванную была открыта, но я туда не заходил, – покачал головой пожарный, задумавшись на мгновение.

У входной двери инспектор остановилась и выудила из картонной коробки, стоявшей слева от входа, синие одноразовые бахилы.

Перешагивая через две ступеньки, она поднялась в ванную и обнаружила там Китса – патологоанатома. Его миниатюрная фигура с абсолютно лысой головой дополнялась усами и свисающей на грудь бородой. Восемь лет назад он имел честь произвести вместе со Стоун ее первое в жизни самостоятельное вскрытие.

– Привет, инспектор, – сказал Китс, глядя ей за спину. – А где Брайант?

– Боже, мы же с ним не сиамские близнецы! – отозвалась женщина.

– Ну да, хотя вы и напоминаете мне одно блюдо китайской кухни – свинину в кисло-сладком соусе... А вот без Брайанта ты становишься кислой до оскомины.

– Китс, как ты полагаешь, насколько я расположена выслушивать твои остроты в это время суток?

– Если честно, то чувство юмора у тебя отсутствует в любое время дня и ночи.

Как же ей хотелось достойно ответить ему! Например, она вполне могла бы ткнуть его носом в плохо отглаженные брюки. Или указать на то, что воротник его рубашки слегка износился, и даже упомянуть о кровавом пятне на спине его пиджака...

Но прямо сейчас между ними лежало обнаженное тело, которое настойчиво требовало ее внимания.

Ким осторожно приблизилась к ванне, стараясь не поскользнуться на воде, которую расплескали вокруг двое санитаров.

Тело женщины было наполовину скрыто под водой; глаза раскрыты, крашенные белые волосы плавают по поверхности воды, обрамляя лицо. Тело на плаву, соски груди торчат из воды.

Стоун определила для себя, что женщине было где-то между сорока пятью и пятьюдесятью и что она находилась в хорошей физической форме. Загорелые руки безвольно болтались в воде. Ногти на ногах были покрашены в розовый цвет, а сами ноги – гладко выбриты.

Количество воды на полу указывало на то, что женщина отчаянно сражалась за свою жизнь.

Ким услышала на лестнице грохочущие шаги.

– Инспектор-детектив Стоун, какой приятный сюрприз!

Она застонала, узнав этот истекающий сарказмом голос.

– Инспектор-детектив Уортон, я совершенно польщена.

Они несколько раз работали вместе, и Ким даже не пыталась скрыть свое презрение.

Уортон был типичным карьеристом, который старался как можно быстрее подняться по служебной лестнице. Расследование преступлений его совсем не интересовало – главным было то, как оно скажется на его карьере.

Самым большим ударом для него было то, что Стоун получила чин инспектора-детектива раньше, чем он. Это ее раннее продвижение по службе заставило его переехать в Западную Мерсию: полицейских там было меньше, и конкуренция, соответственно, была не такой жесткой.

– Что вы здесь делаете? – спросил Уортон. – Мне кажется, что преступление относится к юрисдикции Западной Мерсии.

– А мне кажется, что оно произошло на самой границе, и первой здесь оказалась именно я.

Женщина бессознательно встала прямо перед ванной. Совершенно ни к чему, чтобы на обнаженное тело жертвы пялились еще чьи-то любопытные глаза.

– Это мое преступление, Стоун, – заявил Уортон.

Ким покачала головой и сложила руки на груди.

– Я от своего не отступлю, Том. – Она вздернула подбородок. – Мы можем заняться этим вместе. Но я была здесь первой и буду главной.

Худое, неприятное лицо Уортона покраснело. Отчитываться перед ней он согласится только после того, как съест свои собственные яйца.

Ким оценивающе осмотрела его с ног до головы.

– Кстати, первое, что я вам прикажу, это появляться на месте преступления одетым соответствующим образом.

Уортон взглянул сначала на ее ноги, а потом на свои, на которых не было бахил. «Тише едешь, дальше будешь», – подумала про себя Стоун.

– И не вздумай устраивать из этого соревнование, у кого струя дальше бьет, Том, – добавила она, понизив голос.

Прежде чем развернуться и вылететь из ванной, он бросил на нее взгляд, полный презрения. Ким же вновь повернулась к труп.

– На этот раз победила, – негромко сказал Китс.

– Что?

– Струя дальше бьет, – с восторгом повторил патологоанатом.

Стоун кивнула. Она все понимала.

– Ее уже можно вытащить?

– Еще только несколько снимков ее грудной клетки.

Пока Китс говорил, один из судмедэкспертов направил камеру с объективом, напоминающим по длине выхлопную трубу, на грудь жертвы. Ким наклонилась пониже и рассмотрела два синяка над грудями женщины.

– Ее силой удерживали под водой? – предположила она.

– Полагаю, что так. Больше никаких повреждений первичный осмотр не показал. Больше смогу сказать после вскрытия, – ответил патологоанатом.

– Как думаешь, когда это произошло?

Не заметив печеночного зонда, Ким решила, что перед ее приходом Китс пользовался простым ректальным термометром.

Она знала, что за первый час труп холодеет на полтора градуса по Цельсию. И обычно на один-полтора градуса – каждый последующий час. Также Стоун знала, что на эти цифры влияет масса внешних факторов. И не в последнюю очередь то, что жертва была обнажена и находилась в тепер уже холодной воде.

– Точнее смогу определить позже, но мне кажется, что где-то в пределах двух часов, – пожал плечами Китс.

– А когда ты сможешь...

– Меня еще ждет девяностолетняя старушка, скончавшаяся, выпав из кресла, и двадцатилетний молодой человек, у которого из вены все еще торчит игла...

– То есть ничего срочного?

– В полдень устроит? – Он посмотрел на часы.

– В восемь утра, – возразила женщина.

– В десять, и ни минутой ранее, – ворчливо произнес патологоанатом. – Я – живое существо и периодически нуждаюсь в отдыхе.

– Отлично, – согласилась Ким. Именно это она и хотела услышать. Это даст ей время провести брифинг для своей команды и поручить кому-нибудь поприсутствовать на вскрытии.

На лестнице опять раздались шаги, и Стоун услышала затрудненное дыхание.

– Сержант Трэвис, – сказала она, не поворачиваясь. – И как же наши дела?

– Ребята обходят окрестности. Первый из них, появившийся на месте преступления, опросил нескольких соседей – все говорят, что первыми появились пожарные. Их вызвал кто-то из проезжавших мимо.

Ким повернулась и кивнула. Первый полицейский, появившийся на месте преступления, отлично поработал, обеспечив сохранность следов преступления до прибытия судмедэкспертов. Он же успел опросить кое-кого из потенциальных свидетелей, хотя дома находились в стороне от дороги и были разделены участками площадью по пол-акра⁷. Так что любителям подглядывать здесь не позавидуешь.

– Продолжайте, – сказала инспектор.

– Преступник проник в дом через разбитое стекло задней двери, хотя пожарные говорят, что передний вход не был заперт.

– Хм-м, уже интересно... – Ким кивком поблагодарила сержанта и спустилась вниз.

Один из специалистов обыскивал холл, а второй покрывал заднюю дверь порошком на предмет обнаружения отпечатков пальцев. На стойке бара лежала дизайнерская дамская сумочка. Стоун понятия не имела, что означают золотые инициалы на застежке. Сама она никогда не пользовалась сумочками, но эта выглядела довольно дорогой.

Из дверей столовой появился третий специалист.

– Ничего не пропало. Кредитные карточки и наличные на месте, – сказал он, кивнув в сторону сумочки.

Ким кивнула в ответ и направилась на улицу.

На пороге она сняла бахилы и положила их во вторую коробку. Вся защитная одежда будет позже увезена и проверена на предмет наличия каких-либо улик.

Затем женщина вышла за периметр. Одна из пожарных машин все еще оставалась на дежурстве, дабы ее экипаж убедился, что огонь полностью погашен. Огонь – это такая штука, что малейшая незамеченная искра может полностью уничтожить здание всего за несколько минут.

Ким остановилась перед машиной и осмотрела панораму, раскинувшуюся перед ней.

Тереза Уайатт жила одна. Из дома ничего не пропало – казалось, что там вообще ни до чего не дотрагивались. Убийца вполне мог спокойно уйти, будучи уверенным, что тело обнаружат не раньше следующего утра, и это в лучшем случае. Но, тем не менее, он для чего-то устроил пожар, чтобы привлечь внимание полиции.

И вот теперь инспектор Стоун должна была всего лишь выяснить, почему он так поступил.

⁷ Акр – английская мера площади, равная 4047 кв. м.

Глава 4

В семь тридцать утра Ким припарковала «Ниндзя» у полицейского участка в Хейлсовене, совсем рядом с окружной дорогой, которая охватывала городишко с небольшим торговым комплексом и колледжем. Участок был расположен совсем рядом со зданием суда – с одной стороны, очень удобно, а с другой, подобная близость убивала любую надежду получить хоть какое-то возмещение расходов⁸.

Трехэтажное здание было таким же неухоженным и неприветливым, как и любое другое административное здание – казалось, что их вид служит немым укором всем налогоплательщикам.

Ни с кем не здороваясь, Ким прошла на свое рабочее место. Она знала, что все считают ее холодной, необщительной и неэмоциональной. Подобное отношение сразу же исключало всякую вероятность праздной болтовни, что вполне ее устраивало. Как и всегда, она первой оказалась в кабинете детективов, поэтому сразу же включила кофемашину. В комнате находились четыре стола, которые были сдвинуты попарно, друг против друга. Каждый стол с компьютерным экраном и разнокалиберными лотками для бумаг был зеркальным отражением противоположного.

Три стола имели своих постоянных хозяев, а четвертый пустовал после того, как несколько месяцев назад в участке прошла волна сокращений. Именно здесь, а не в своем кабинете, Стоун и предпочитала находиться, когда работала в офисе. Место же, на котором висела табличка с именем Ким, обычно называли «кутузкой», – это было не что иное, как крохотная каморка в правом углу комнаты, отгороженная панелями из стекла и пластика. Его она использовала для «индивидуальной работы с подчиненными», больше известной как старая добрая «промывка мозгов».

– Доброе утро, командир, – произнесла детектив-констебль Вуд, не успев опуститься в кресло. Несмотря на то, что она была наполовину англичанкой, а наполовину нигерийкой, Стейси никогда не выезжала за пределы Англии. Ее густые черные волосы были коротко подстрижены и плотно лежали на голове, демонстрируя полное отсутствие какой-либо курчавости, а гладкая кожа цвета жженого сахара отлично гармонировала с прической. Рабочее место Вуд было аккуратно и хорошо организовано. Все, что не находилось в надписанных лотках для бумаг, было сложено в аккуратные стопки, которые располагались в верхней части ее стола.

Почти сразу же после нее появился детектив-сержант Брайант, который пробормотал: «Привет, шеф!», заглядывая в «кутузку». Выглядел он безупречно, как будто его шестифутовое тело собственноручно одевала мамаша специально для посещения воскресной школы. Однако пиджак был немедленно снят и повешен на спинку стула, узел галстука к концу дня будет растянут до предела, верхняя пуговица сорочки расстегнется, а рукава будут закатаны до локтей.

Ким увидела, как он смотрит на ее стол в поисках кружки с кофе. Убедившись, что она уже выпила свою утреннюю порцию, Брайант наполнил свою кружку с надписью «Лучший Таксист в Мире», которую ему подарила его девятнадцатилетняя дочь. Разобраться в том хаосе, который был на его столе, не мог никто, кроме него самого, но любую затребованную бумагу Ким получала в течение всего нескольких секунд. На центральном месте стола Брайанта стояла его фотография с женой, сделанная в день двадцать пятой годовщины их свадьбы. Фото дочери он хранил в бумажнике.

⁸ По существующим правилам, полицейские в Англии имеют право на возмещение некоторых расходов, связанных с присутствием в суде.

У третьего члена ее команды, детектива-сержанта Кевина Доусона, на столе не было никаких фотографий. Даже если бы он и захотел разместить там фото самого дорогого ему человека, то ему пришлось бы весь день любоваться на свою собственную физиономию.

– Простите за опоздание, командир, – извинился Доусон, опускаясь на свое место напротив Вуд.

Теперь вся команда Стоун была в сборе.

В принципе, Кевин совсем не опоздал, так как рабочий день начинался в восемь утра, но Ким любила, когда ее люди появлялись пораньше, особенно если начиналось новое расследование. Инспектор никогда не работала только от сих и до сих, так что те, кто не мог без этого, надолго в ее команде не задерживались.

– Слушай, Стейси, я получу сегодня свой кофе или как? – поинтересовался Доусон, проверяя свой мобильник.

– Ну конечно, Кев. А как прикажете подать – добавить молоко, сахар и вылить прямо на колени? – милым голоском с сильным местным акцентом произнесла девушка.

– А тебе, Стейси, кофейку не принести? – спросил, вставая, Доусон, прекрасно зная, что девушка не пьет кофе. – Ты ведь, поди, умаялась, всю ночь воюя с колдунами... – добавил он, намекая на увлечение Вуд игрой «Мир Уоркрафта», которое граничило у нее с зависимостью.

– Знаешь, Кев, накануне я получила от Верховной жрицы очень сильное заклинание, которое может превратить взрослого мужчину в полного придурка, но, увы, кто-то уже успел добраться до тебя раньше меня, – парировала мулатка.

Доусон схватился за живот и изобразил гомерический хохот.

– Шеф, а шеф, – произнес Брайант через плечо, – тут детишки опять разыгрались. – Он повернулся к пикирующим и погрозил им пальцем. – Вот подождите, вернется ваша мама домой!..

Ким закатила глаза и уселась за свободный стол. Ей не терпелось начать.

– Брайант, раздай бюллетени, а ты, Кевин, – марш к доске! – объявила она.

Доусон взял маркеры и занял место у белой доски, которая занимала всю заднюю стену помещения.

Пока Брайант возился с бумагами, его начальница рассказала о событиях, произошедших рано утром.

– Убитая – Тереза Уайатт, сорока семи лет, очень уважаемая директриса частной школы для мальчиков в Сторбридже. Незамужем. Детей нет. Жизнь вела комфортную, хотя и не слишком роскошную. Ни о каких врагах нам в настоящее время не известно.

Кевин записывал информацию на доске в колонке, озаглавленной «Жертва».

Зазвонил телефон Брайанта. Сказав в него несколько слов и разъединившись, он кивнул Ким.

– Тебя хочет видеть Вуди.

– Кев, следующий заголовок: «Преступление», – сказала Стоун, полностью игнорируя слова Брайанта. – Орудия убийства нет, следов ограбления нет, улики нет, а данные экспертизы еще не готовы. Затем идет: «Мотив». Как правило, людей убивают за что-то, что они уже сделали, или делают, или собираются сделать. Насколько мы знаем, наша жертва не занималась никакой опасной или незаконной деятельностью.

– Э-э-э-э... Шеф, вас вызывает старший инспектор сыскной полиции! – попытался все-таки привлечь ее внимание коллеги.

– Поверь, Брайант, – сказала ему Ким, отпивая глоток свежего кофе, – мы с ним гораздо лучше ладим после того, как я напьюсь кофе. Кев, вскрытие в десять. Стейс, выясни все, что сможешь, о нашей жертве. Брайант, свяжись со школой и предупреди, что мы у них сегодня будем.

– Шеф... – вновь напомнил о себе Брайант.

– Успокойся, мамочка, я уже иду! – Стоун допила свой кофе.

Она поднялась на третий этаж, перешагивая через две ступеньки, и постучала, прежде чем войти, в дверь кабинета. Старший инспектор Вудворд был крупным мужчиной, перешагнувшим рубеж пятидесяти пяти лет. Смешанная кровь одарила его гладкой, коричневой кожей, которая особенно хорошо была видна на абсолютно лысой голове. Его белая рубашка была тщательно отглажена, а стрелки на брюках идеально отутюжены. Очки для чтения, надетые на самый кончик носа, не могли скрыть пары усталых глаз.

Он взмахнул рукой в знак приветствия и указал на стул, с которого его посетительница могла наслаждаться видом его коллекции миниатюрных моделей автомобилей, которая располагалась в шкафу со стеклянными дверцами.

На нижней полке стояли модели классических британских автомобилей, а верхняя была отдана историческим моделям, которые использовались полицией Великобритании в разные годы ее истории. Здесь стояли: «MG TC» сороковых годов, «Форд Англия», «Черная Мария» и «Ягуар XJ40», занимавший почетное место в самом центре. В правом углу шкафа, надежно закрепленная на стенке, находилась фотография Вуди, пожимающего руку Тони Блэру, а рядом с ней стояло фото его старшего сына Патрика в парадной форме, сделанное накануне отправки в Афганистан. В этой же форме его и похоронили пятнадцать месяцев спустя.

Закончив говорить по телефону, Вуди немедленно схватил мягкий антистрессовый мяч, который лежал на краю его стола. Его правая рука стала сжиматься и разжиматься на нем. Ким вдруг осознала, что он часто пользуется этой штукой в ее присутствии.

– И что у нас есть на данный момент?

– Почти ничего, сэр. Мы как раз намечали пути расследования, когда вы меня вызвали.

Суставы пальцев старшего инспектора побелели от того, что он с силой сжал шарик, но больше он на эту резкость никак не среагировал.

Глаза Ким посмотрели за его правое ухо, туда, где на подоконнике стояла собираемая в данный момент модель. Это был «Роллс-Ройс Фантом», к которому не возвращались вот уже много дней.

– Как я слышал, у вас произошла стычка с инспектором-детективом Уортоном? – спросил Вудворд.

Так, значит, барабаны джунглей уже вовсю громяхают!

– Мы с ним обменялись любезностями над трупом убитой, – ответила женщина.

С моделью что-то явно было не так. По мнению Ким, колесная база была слишком длинной.

– Мне звонил его начальник. Они подали формальную жалобу на ваши действия и хотят забрать дело себе. – Пальцы шефа с силой сжали мяч.

Ким закатила глаза. Почему этот придурок не займется своими собственными делами?

подавив желание взять в руки «Роллс-Ройс» и исправить ошибку, она посмотрела прямо в глаза своему старшему офицеру.

– Но они же его не получают, сэр?

– Нет, Стоун, не получают, хотя формальная жалоба будет не очень хорошо смотреться в вашем личном деле. – Начальник не отвел взгляда. – Честно сказать, я уже начинаю уставать от всех этих жалоб... – Он переложил мяч в левую руку. – Интересно, с кем вы предпочли бы вести это расследование?

Ким почувствовала себя, как ребенок, которому предложили выбрать себе нового «лучшего друга». Ее последняя аттестация имела только один положительный пункт: умеет тактично вести себя с коллегами.

– А что, нужно выбирать? – уточнила она.

– А кого бы вы выбрали?

– Брайанта.

На губах старшего инспектора мелькнула тень улыбки.

– А если хорошенько подумать?

Значит, никакого выбора нет, вздохнула про себя женщина. Брайант умел контролировать ущерб, который она наносила окружающим, так что при наличии «соседей», дышащих ему в затылок, Вуди не хотел рисковать: он хотел, чтобы за Ким следил ответственный взрослый человек.

Стоун хотела было дать шефу небольшой совет по поводу того, как сэкономить кучу времени на разборе задней оси «Роллса», но быстро отказалась от этой мысли.

– Что-нибудь еще, сэр?

Вуди положил мячик на стол и опять надел очки для чтения.

– Держите меня в курсе.

– Обязательно.

– И вот еще что, Стоун, – добавил он, и инспектор повернулась к нему от двери. – Давайте вашим сотрудникам возможность хоть иногда высыпаться. Ведь они не могут подзаряжаться через USB-кабель, как вы сами.

Ким вышла из кабинета, размышляя о том, как долго Вуди готовил эту маленькую шутку.

Глава 5

Ким шла за Кортни, школьным администратором, по коридорам школы Святого Иосифа в кабинет исполняющего обязанности школьного директора. Глядя на служащую школы со спины, Стоун восхищалась ее способностью передвигаться с такой скоростью на каблуках, высота которых была не меньше четырех дюймов.

Брайант вздыхал, проходя один класс за другим.

– Ты не считаешь, что учеба была лучшим периодом в твоей жизни? – поинтересовалась его коллега.

– Нет.

Они повернули в длинный коридор на втором этаже, откуда их ввели в дверь кабинета, на которой виднелся выцветший прямоугольник от только что снятой именной таблички. Мужчина, сидевший за столом, встал. Он был одет в дорогой костюм и галстук небесно-голубого цвета. Тусклый черный цвет его волос говорил о том, что их только что покрасили. Он протянул через стол руку, но Ким сделала вид, что не заметила ее, рассматривая документы, развешанные на стенах. Любые сертификаты или грамоты, в которых упоминалось имя Терезы Уайатт, уже исчезли со стен.

Брайант пожал протянутую ему руку.

– Спасибо, что нашли время принять нас, мистер Уайтхаус.

– Как я понимаю, вы *заместитель* директора, – заметила Стоун.

Мужчина кивнул и сел на свое место.

– Меня назначат исполняющим обязанности, и я готов оказать вам любую помощь при расследовании.

– Ни на минуту не сомневаюсь, что вас назначат, – прервала его Ким. В манерах этого человека было что-то лицемерное. Все казалось заранее отрепетированным, а тот факт, что он уже переехал в кабинет Терезы Уайатт и успел уничтожить в нем любые намеки на ее пребывание, было по крайней мере противно – ведь женщину убили меньше двенадцати часов назад. Ким была уверена, что он уже успел внести соответствующие исправления в свое резюме.

– Мы хотели бы получить список всех сотрудников, – потребовала она. – И организуйте все так, чтобы мы могли поговорить с ними в алфавитном порядке.

Сжатые скулы заместителя директора показали, что он не слишком рад тому, что женщина дает ему указания. Ким мельком подумала, касается ли это всех женщин или только ее?

– Конечно, я попрошу Кортни немедленно все организовать, – Уайтхаус опустил глаза. – Я велел освободить для вас комнату дальше по коридору; надеюсь, она вам подойдет.

Ким осмотрела кабинет и покачала головой.

– Спасибо, но я думаю, что здесь нам будет вполне удобно.

Глава школы открыл было рот, чтобы ответить, но воспитание не позволило ему заявить свои права на помещение, у которого только что был совсем другой хозяин.

Он собрал свои вещички, которые лежали на столе, и направился к двери.

– Кортни сейчас к вам подойдет.

После того, как за «исполняющим обязанности» закрылась дверь, Брайант негромко рассмеялся.

– А в чем, собственно, дело? – спросила Ким, садясь в кресло за столом.

– Да так, ни в чем, шеф.

Ее коллега придвинул один из стульев к столу и тоже сел.

Стоун оценила месторасположение последнего свободного стула, который предназначался для опрашиваемых.

– Подвинь его немного назад.

Брайант отодвинул стул так, чтобы тот был ближе к двери. Теперь стул стоял совершенно отдельно, и сидящему на нем не на что было опереться и не к чему прислониться. Так удобнее будет наблюдать за невербальными реакциями опрашиваемых.

В дверь негромко постучали. Полицейские хором крикнули: «Войдите!», и в комнате, с листом бумаги в руках, появилась Кортни, которая с трудом сдерживала мстительную улыбку. Видимо, мистер Уайтхаус был не самой популярной фигурой в школе.

– Мистер Эддингтон ждет в приемной.

– Пригласите его, пожалуйста, – кивнула Ким.

– Могу ли я предложить вам что-нибудь? Чай? Кофе?

– Конечно, можете. Два кофе.

Служащая направилась к двери, и тут Стоун осенило:

– Благодарю вас, Кортни.

Женщина кивнула и распахнула дверь перед первым допрашиваемым.

Глава 6

В четверть пятого, после двенадцати бесед, похожих друг на друга, как две капли воды, Ким ударилась головой о столешницу. В соприкосновении ее головы с деревом было что-то успокаивающее.

– Я понимаю, шеф, – кивнул Брайант, – такое впечатление, что в нашем морге сейчас лежит святая.

Он вытащил из кармана коробочку с ментоловыми леденцами от кашля. По скромным подсчетам его начальницы, это происходило уже в пятый раз.

Два года назад, после легочной инфекции, доктор был вынужден посоветовать Брайанту отказаться от его обычных тридцати сигарет в день, и теперь, пытаясь избавиться от разрывающего легкие кашля, полицейский беспрерывно сосал леденцы. Он смог отказаться от курения, но вместо этого подсел на конфеты.

– Тебе надо завязывать с этим делом, – заметила инспектор.

– Да просто день сегодня такой, шеф. – Как любой старый курильщик, ее напарник злоупотреблял своей дурной привычкой тем больше, чем больше волновался.

– Кто следующий?

– Джоанна Уэйд, английский язык, – ответил Брайант, сверившись со списком.

Когда дверь открылась, Ким непроизвольно закатила глаза. В кабинет вошла женщина, одетая в сшитые на заказ черные брюки и шелковую блузку сиреневого цвета. Длинные светлые волосы были убраны в конский хвост, и ничто не мешало видеть ее лицо с сильными чертами и почти полным отсутствием косметики.

Не предлагая руки, женщина села и закинула правую ногу на левую. Ее руки спокойно легли на колени.

– Мы не займем у вас много времени, миссис Уэйд. Нам просто надо задать вам несколько вопросов, – начала Стоун.

– Мисс, – поправила ее учительница.

– Простите?

– Мисс, инспектор, а не миссис, но вы можете называть меня Джоанна. – У женщины был низкий и сдержанный голос с небольшим северным акцентом.

– Благодарю вас, мисс Уэйд. Как долго вы знали директора Уайатт?

– Директор Уайатт принял меня на работу три года назад, – с улыбкой ответила учительница.

– И какие между вами были отношения?

– Что, инспектор, прямо вот так, сразу, без всяких предварительных ласк? – Уэйд слегка наклонила голову набок и зафиксировала взгляд на Ким.

Та проигнорировала инсинуацию и твердо ответила на ее взгляд.

– Прошу вас ответить на мой вопрос.

– Ну конечно... У нас были нормальные рабочие отношения. Не без некоторых шероховатостей, как это случается между женщинами. Тереза была довольно упертым директором, не желающим отказываться от своих убеждений или менять их.

– Что вы имеете в виду?

– С того момента, когда она последний раз стояла за кафедрой, методы преподавания значительно изменились. И очень часто для того, чтобы заронить зерно в молодые, жаждущие знаний головы, необходима элементарная креативность. Все мы пытаемся как-то адаптироваться к изменчивости культуры, но Тереза была уверена, что методичная, настойчивая зубрежка является единственным способом что-то выучить, и каждый из нас, кто имел на это свой взгляд, получал соответствующие «рекомендации».

Пока Джоанна говорила, Ким оценила ее язык жестов как открытый и честный. Она также заметила, что женщина ни разу не взглянула на Брайанта.

– А вы можете привести пример?

– Пару месяцев назад один из учеников представил мне работу, в которой половина текста была написана языком, который сейчас широко применяется в электронных письмах и при общении в «Фейсбуке». Я велела всем двадцати трем ученикам принести из шкафчиков свои мобильные телефоны, а потом заставила их в течение десяти минут писать друг другу послания правильным, с точки зрения лексики и грамматики, английским языком. Это было для них дико, но они поняли то, что я хотела донести до них.

– А именно?

– Что человеческий язык нельзя заменить жаргоном. После этого никто больше не использовал этот новояз.

– И Тереза этим удовлетворилась?

– Совсем нет, – ответила мисс Уэйд, покачивая головой. – Она посчитала, что школьник, о котором шла речь, должен был быть наказан и что это было бы ему более понятно. Я посмела ей возразить, и Тереза сделала в моем личном деле запись о неповиновении руководству.

– Остальные сотрудники не рассказывали нам ничего подобного, мисс Уэйд.

– Я не могу отвечать за других, – пожала плечами женщина, – хотя должна заметить, что некоторые из учителей, работающих здесь, давно сдались на милость обстоятельств. Они больше не могут достучаться до молодых душ и просто высиживают время, оставшееся до пенсии. Они предпочитают никого не вдохновлять и не вдохновляться самим. Я к этой категории не отношусь, – Джоанна склонила голову на другую сторону, и на ее губах появилась слабая улыбка. – Научить нынешних тинэйджеров понимать и уметь наслаждаться красотой английского языка – задача совсем не из легких. Но я твердо верю, что человек не должен искать легких путей. Вы со мной не согласны, инспектор?

Брайант закашлялся.

Ким тоже слегка улыбнулась вместо ответа. Уверенность в себе сидящей перед нею женщины и откровенная беседа, которую она вела, были как глоток свежего воздуха после двенадцати похожих друг на друга ответов. А ее неприкрытое кокетство было очень занятным.

– А что вы можете рассказать о Терезе как о женщине? – спросила Стоун, откидываясь в кресле.

– Вы хотели бы, чтобы я присоединилась к коллегам и произнесла приличествующую случаю эпитафию, или ждете от меня откровенности?

– Я с благодарностью выслушаю честный ответ.

– Как директор школы, Тереза была мотивированной и целеустремленной женщиной. – Джоанна поменяла положение ног. – А вот как женщина она, боюсь, была крайне эгоистична. Даже на ее столе, как вы видите, нет ни фотографий, ни других указаний на тех, кто ей дорог. И ей ничего не стоило задержать сотрудников до восьми-деяти часов вечера. Большую часть своего времени она проводила в косметических салонах, за покупкой дизайнерских нарядов и выбором дорогих экзотических путешествий.

Брайант сделал несколько пометок в своем блокноте.

– Вы больше ничего не хотите сообщить следствию? – спросила Стоун.

Женщина отрицательно покачала головой.

– Благодарю вас, мисс Уэйд.

– Если вам нужно алиби, – подалась вперед Джоанна, – то я была в спортзале «Либерти», где занималась йогой. Это изумительная штука для поддержания гибкости. И если вас это интересует, то я бываю там каждый четверг по вечерам.

Ким твердо смотрела ей в глаза. Незамутненные голубые глаза Джоанны излучали вызов. Она сделала пару шагов к столу и предложила инспектору свою карточку. У той не было другого выхода, как протянуть за ней руку, и учительница вложила карточку ей в ладонь, превратив это мимолетное касание в рукопожатие. Ее рука была твердой и прохладной. Она провела пальцами по ладони Стоун и убрала руку.

– Вот номер моего телефона. Вы можете всегда позвонить мне, если вам понадобится моя помощь.

– Благодарю вас, мисс Уэйд. Вы оказали нам неоценимую поддержку.

– Ничего себе, командир! – произнес Брайант, как только за женщиной закрылась дверь. – Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять все эти намеки.

– Ничего не поделаешь – либо это есть, либо этого нет, – пожала плечами Ким и убрала карточку в карман. – Кто-нибудь еще?

– Нет, она была последняя.

Полицейские встали.

– На сегодня хватит. Отправляйся домой и отдыхай, – велела Стоун.

У нее было предчувствие, что отдых скоро понадобится им всем.

Глава 7

– Ну что ж, друзья мои, надеюсь, что вы все хорошо отдохнули и попросились со своими любимыми...

– Опять никакой личной жизни на ближайший обозримый период, – простонал Доусон. – Для Стейси ничего не изменится, но мы-то все нормальные люди!

– АНН желает, чтобы проблема была решена до конца недели, – Ким предпочла пока никак не реагировать на выступление Кевина. Все они знали, что сокращение АНН означало Абсолютно Неразумный Начальник. При этом, в зависимости от настроения инспектора Стоун, последнее слово могло меняться в самом широком диапазоне.

– А что, если наш убийца ничего об этом не знает, командир? – со вздохом спросил Доусон, проверяя свой мобильный телефон.

– Тогда в пятницу я арестую тебя и, поверь мне, смогу выколотить из тебя нужные мне показания.

Кевин рассмеялся.

– Прекрати доставать меня, Кев. Это совсем не шутка. – Ким была абсолютно серьезна. – Что дало нам вскрытие?

– Полные воды легкие. Жертву, несомненно, утопили. Две гематомы как раз над грудными железами. Признаков изнасилования нет, но наверняка утверждать трудно, – зачитал Доусон из своей записной книжки.

– Что-нибудь еще?

– Ага. На обед она ела корму⁹ из цыпленка.

– Отлично, это именно то, чего нам не хватало.

– Много из этого не выжмешь, командир, – пожал плечами Кевин.

– Брайант?

Детектив стал копаться в бумагах, но Ким знала, что вся информация уже навсегда запечатлелась в его памяти.

– Вчера еще раз обошли всех соседей, но они ничего не видели и не слышали. Некоторые из них знали убитую в лицо, но, кажется, она была не самым приветливым человеком в округе. Совсем не любила общаться с людьми.

– Ну, вот вам и мотив – убита из-за отказа пообщаться! – хмыкнула Стоун.

– Людей и за меньшее убивают, шеф, – возразил Брайант, и Ким была вынуждена с ним согласиться. Три месяца назад они расследовали убийство санитара, которого грохнули за две банки пива и какую-то мелочь в кармане.

– Еще что-нибудь? – спросила инспектор.

– Эксперты пока молчат. – Брайант взял в руки еще одну бумагу. – Скорее всего, они только начали экспертизу по отпечаткам пальцев и остаткам волокон.

Ким вспомнила о принципе обмена Локарда. По этой теории, преступник всегда что-то приносит на место преступления и что-то оттуда забирает. Это может быть все, что угодно, – начиная от волоса и кончая тончайшим волокном ткани. Все искусство состоит в том, чтобы их отыскать. А на месте преступления, которое истоптали восемь пожарников, и в залитой водой ванной улики сами собой не появятся.

– Отпечатки?

Брайант покачал головой.

– И все мы знаем, что убийство было совершено голыми руками, так что маловероятно, что орудие убийства валяется где-то в кустах.

⁹ Блюдо индийской кухни – тушенное особым образом мясо.

– Знаете, командир, это все совсем не похоже на «C.S.I.: Место преступления»¹⁰, – заметила Стейси. – В телефоне тоже ничего нет. Все входящие и исходящие – только в школу и в местные рестораны. Записная книжка довольно короткая.

– Что, вообще никаких друзей или членов семьи?

– По крайней мере, на мобильный они ей не звонили. Я запросила журнал звонков на домашний номер, и скоро нам привезут ее компьютер. Может быть, там удастся что-то обнаружить.

– Итак, прошло уже тридцать шесть часов, а мы все еще ничего о ней не знаем, – фыркнула Ким.

– Я на секунду, командир, – сказал Брайант, вставая и выходя из комнаты.

– Ну что ж, пока он пудрит носик, давайте подведем некоторые итоги, – вздохнула Стоун. Она посмотрела на доску, информации на которой, по сравнению с прошедшим днем, совсем не прибавилось. – Женщина, по возрасту ближе к пятидесяти, амбициозная и трудолюбивая. Не слишком общительная и любимая. Жила одна – ни домашних животных, ни семейных связей. Не занималась ничем противозаконным или опасным, не имела хобби и мало чем интересовалась.

– Это не совсем так, – сказал Брайант, возвращаясь на свое место. – Кажется, она сильно интересовалась археологическими раскопками, которые совсем недавно разрешили провести в месте под названием Роули Регис.

– Откуда ты это знаешь? – повернулась к нему начальница.

– Только что говорил с Кортни.

– С какой Кортни?

– С той самой, которая вчера весь день поила нас кофе. Я спросил у нее, говорила ли жертва за последние недели с кем-то, кто не входил в ее обычный круг общения. Выяснилось, что она просила Кортни разыскать номер профессора Милтона в Ворчестерском колледже.

– Кажется, я видела что-то по телевизору, – вмешалась Стейси. – Профессор добивался разрешения начать эти раскопки много лет. Там просто голое поле – детский дом, который стоял на этом месте, сгорел, – полное, как говорят, зарытых монет. Почти два года он давал разные пояснения на возражения, и вот только на этой неделе получил окончательное разрешение. А в новости это попало потому, что судебный процесс длился невероятно долго.

Наконец-то Ким почувствовала первые признаки возбуждения. Заинтересованность в том, что происходит в округе, вряд ли можно было назвать стопроцентным мотивом, но это было лучше, чем ничего.

– Хорошо, продолжайте копать, прошу прощения за невольный каламбур. Брайант, заводи наш «Бэтмобиль».

Доусон тяжело вздохнул.

Ким взяла свою куртку и притормозила возле его стола.

– Стейси, а тебе не надо сходить в туалет прямо сейчас? – оглянулась она на мулатку.

– Да нет, у меня вроде все в порядке.

– Стейси, оставь нас одних, – прямо сказала Стоун.

Такт и дипломатию придумали люди, которым некуда было девать свободное время.

– Кев, отвлекись на секунду от телефона и послушай меня, – обратилась она к Доусону. – Я знаю, что сейчас у тебя тяжелый период, но во всем виноват ты сам. Если бы ты придержал свой член в узде еще всего пару недель, то сейчас был бы в объятиях своей девушки и новорожденной дочери, а не в гостевой комнате своей мамочки.

Инспектор не имела привычки думать о щепетильности, разговаривая с членами своей команды. Ей хватало этих мыслей при общении с посторонней публикой.

¹⁰ Название популярного американского сериала о работе сотрудников криминалистической лаборатории.

– Это была глупая ошибка по пьяни, на мальчишнике... – начал оправдываться ее коллега.

– Кев, не обижайся, но это твоя проблема, а не моя. Но если ты не перестанешь хныкать, как ребенок, каждый раз, когда что-то получается не по-твоему, вот тот стол будет не единственным свободным столом в этой комнате. Мы поняли друг друга?

Стоун жестко посмотрела на подчиненного. Тот сглотнул и кивнул в знак согласия.

Не произнеся больше ни слова, Ким вышла из комнаты и направилась к лестнице.

Доусон был одаренным детективом, но сейчас он пытался играть с огнем.

Глава 8

Во второй раз за два дня Ким окунулась в атмосферу наивного ожидания чуда, которая присутствует в любом учебном заведении.

Брайант направился к стойке администратора, а Стоун скромно отошла в сторонку. Справа от нее группа молодых людей смеялась над чем-то в мобильном телефоне. Один из них повернулся в сторону Ким и неторопливым взглядом окинул ее с ног до головы, задержав взгляд на груди. Слегка кивнув, студент улыбнулся. Инспектор зеркально повторила его действия и увидела узенькие джинсы, футболку с вырезом и прическу под Джастина Бибера¹¹.

После этого она ответила на его взгляд: «Даже не надейся, сладкий мой». Парень мгновенно отвернулся, надеясь, что его друзья ничего не заметили.

– Здесь что-то не так, – заметил вернувшийся Брайант. – Когда я спросил профессора, секретарша выглядела очень смущенной. Сейчас кто-то к нам выйдет, но я не уверен, что это будет сам профессор.

Неожиданно студенты стали расступаться, как Красное море перед Моисеем, и в проходе появилась женщина высотой всего в четыре фута¹² вместе со шпильками. Несмотря на маленький рост, она двигалась вперед, как снаряд, ни перед кем не останавливаясь. Ее колючие глаза осмотрели окрестности, и она направилась прямо к полицейским.

– Черт, пора прятаться, – заметил Брайант, когда увидел, что она идет прямо к ним.

– Детективы? – произнесла невысокая дама, протягивая руку.

Нос Ким наполнился ароматом «Яблоневого цвета»¹³. На голове у женщины были прилизанные сидящие локоны, а на носу – очки в оправе, по которой явно страдала дама Эдна¹⁴.

Брайант пожал протянутую руку, Ким – нет.

– А вы, значит...

– Миссис Пирсон. Ассистент профессора Милтона.

Что ж, по-видимому, профессор был слишком занят, чтобы уделить время полицейским. Но если они ничего не узнают от его ассистентки, им придется настоять на своем.

– Не ответите ли вы на несколько вопросов, касающихся проекта, над которым сейчас работает профессор Милтон? – задал вопрос Брайант.

– Только очень быстро, – последовал короткий ответ. Напарникам не предложили пройти в какое-нибудь более уединенное место – и женщина ясно дала понять, что готова уделить им только очень немного времени.

– Профессор интересуется археологическими раскопками? – продолжил спрашивать сержант.

– Да, несколько дней назад мы получили официальное разрешение, – кивнула Пирсон.

– А что именно он ищет? – поинтересовался Брайант.

– Ценные монеты, детектив.

– В поле на задворках Роули Регис? – Ким с удивлением приподняла бровь.

Миссис Пирсон вздохнула, как будто разговаривала со сбитым с толку младенцем.

– Вы, по-видимому, ничего не знаете о богатствах, хранящихся в округе. Вы что, никогда не слышали о Стаффордширском кладе?

Стоун посмотрела на Брайанта, после чего они оба покачали головами.

¹¹ Популярный певец, кумир тинэйджеров по всему миру.

¹² Около 1 м 20 см.

¹³ Цветочный аромат от Деметра.

¹⁴ Одна из героинь австралийского комика Барри Хамфриса, известная своими вычурными оправками.

Ассистентка профессора даже не попыталась спрятать свое презрение. «Люди вне академических кругов – абсолютные дикари», – говорил ее взгляд.

– Одно из наиболее известных открытий в наши дни было сделано на поле в Личфилде несколько лет назад. Более трех с половиной тысяч изделий из золота, общей стоимостью три миллиона фунтов. А совсем недавно в Стоке-на-Тренте был обнаружен клад с серебряными динарами, которые датируются тридцать первым годом до нашей эры.

– И кто в этом случае получает деньги? – спросила заинтригованная Ким.

– Ну, возьмите, например, последнюю находку в Брендон-Хилл, в Ворчестере. Мужчина с металлоискателем наткнулся на золотые изделия и монеты времен Римской империи. Так вот, он и фермер, которому принадлежала земля, получили более полутора миллионов фунтов.

– А почему профессор думает, что найдет что-то в Роули?

– Есть местная легенда – миф о битве, которая произошла возле этого места, – пожалала плечами миссис Пирсон.

– А профессор в последнее время не общался с женщиной по имени Тереза Уайатт?

– Кажется, да, – ответила ассистентка Милтона, подумав несколько мгновений. – Она звонила несколько раз и требовала соединить ее с профессором. Мне кажется, что один раз он ей перезванивал.

Ким решила, что с нее достаточно. Во всем этом что-то было, и она не хотела больше общаться с дрессированными обезьянами. Для того чтобы во всем разобраться, ей нужен сам дрессировщик.

– Спасибо вам за помощь, миссис Пирсон, но мне кажется, что, несмотря на всю занятость профессора, нам необходимо немедленно переговорить с ним лично, – заявила Стоун.

Сначала на лице Пирсон появилась озадаченность, а потом – гнев.

– У меня к вам всего один вопрос, инспектор: вы что там, в полиции, совсем не общаетесь между собой?

– Простите? – переспросил Брайант.

– Скорее всего, вы не из отдела по розыску пропавших без вести, иначе уже знали бы...

– Знали о чем, миссис Пирсон?

Женщина фыркнула и сложила руки на груди.

– О том, что профессор Милтон исчез больше сорока восьми часов назад.

Глава 9

Никола́ Адамсон зажмурила глаза от плохого предчувствия, которое навалилось на нее в тот момент, когда она вставила ключ в скважину двери своего пентхауса. Несмотря на все ее предосторожности, звук вставляемого ключа разнесся по всей лестничной площадке, как это обычно и происходит в два тридцать утра. Сейчас покажется Мира Даунс из апартаментов 4С, чтобы проверить, что является источником всего этого шума. Никола готова была поклясться, что эта бухгалтерша на покое спит прямо рядом с входной дверью.

Как она и ожидала, слышались звуки отодвигаемых засовов, но ей удалось проскользнуть в свои собственные апартаменты до того, как местный наблюдательный комитет, состоявший всего из одного члена, смог ее обнаружить.

Не успев еще нажать на выключатель, Никола почувствовала, что ее дом изменился. Его захватили и отобрали у нее. Хотя юридически квартира принадлежала ей, она вынуждена была делить ее. И уже не в первый раз.

Молодая женщина сняла туфли и осторожно прокралась через холл на кухню. Несмотря на посетителя, жившего в свободной комнате, она все-таки старалась придерживаться своих собственных привычек и вести обычный для себя образ жизни.

Достав из холодильника лазанью, она поставила ее в микроволновку. После работы ей всегда хотелось есть, и это уже превратилось у нее в рутину: возвращаясь из клуба, Никола ставила разогреваться еду, а пока та грелась, принимала душ и, закусив и выпив бокал красного вина, отправлялась в постель.

Сейчас, когда ей приходилось делить свою квартиру, ничего не изменилось. И тем не менее в ванную Адамсон прошла на цыпочках. Она сильно устала и не была настроена на душещипательные беседы.

Оказавшись в ванной, Никола с облегчением выдохнула. Каждая дверь, которую ей удавалось бесшумно закрыть за собой, была ее настоящей победой. Она представляла себя участницей компьютерной игры, главной целью которой было убраться из комнаты до того, как в ней появится враг.

Так нечестно, говорила она самой себе, снимая одежду и кучей складывая ее рядом с вместительной душевой кабиной. Ей пришлось выставить температуру, отчего Никола здорово разозлилась. Еще неделю назад это было не нужно: термостат всегда оставался на той температуре, которую она выбирала. Никола закрыла глаза и подставила лицо под горячую воду. Было приятно почувствовать покалывание струек воды на коже. Затем она отвернулась от них и подставила им затылок, и через несколько секунд ее длинные белые волосы насквозь промокли. Не глядя, она протянула руку к металлической полке, но под рукой у нее оказалась только пустота. Черт возьми, бутылка опять стоит на полу! Женщина наклонилась, подняла ее и так сжала флакон, что струя шампуня попала в стеклянную стенку кабины. И опять ей пришлось подавить растущее негодование. Казалось бы, делить квартиру с кем-то еще не должно быть таким уж сложным случаем, но для нее это было просто невыносимо. Никола почувствовала, как напряглись ее плечи. Сегодня вообще был не ее день...

Она работала в «Роксбуре» уже пять лет, с того самого момента, как ей исполнилось двадцать, и обожала свою работу. Ее не волновало, если люди предпочитали думать о ее занятии как о чем-то грязном и унижительном. Ей нравилось танцевать, нравилось демонстрировать свое тело и нравилось, когда мужчины платили большие деньги, чтобы на него полюбоваться. При этом она не оголялась, а дотрагиваться до нее посетителям было вообще категорически запрещено – таковы правила клуба. В центре Бирмингема имелись и другие клубы, но все девушки, которые в них работали, стремились попасть в «Роксбур». А для Никола это был единственный клуб, в котором она была готова работать. Адамсон подумывала

вала над тем, чтобы закончить с танцами лет в тридцать и заняться чем-нибудь еще, и ее накопления в банке вполне сообразовывались с этим планом.

За последние пять лет она стала наиболее популярной танцовщицей в округе. В среднем за вечер ее приглашали на три частных танца, а так как стоили они по двести фунтов каждый, то зарабатывала она совсем неплохо.

Никола знала, что для некоторых феминисток она была реинкарнацией самого дьявола, но ей это было по барабану. Для нее свобода женщины в обществе заключалась в праве на выбор, и она выбирала танцы – и не потому, что была какой-то наркошкой в поисках легких денег, а потому что обожала танцевать.

Еще будучи ребенком, Адамсон любила выступать перед аудиторией. Она стремилась к этой независимости, к этой индивидуальности, которая отличала ее от всех и заставляла людей любоваться ею.

Но сегодня она была недовольна своим представлением. Конечно, со стороны клиентов не было никаких жалоб: «Кристалл» лился рекой, а последний клиент даже купил две бутылки «Дом Периньон»¹⁵, заставив ее босса почувствовать себя на седьмом небе от счастья. Но сама Никола знала. Она знала, что сегодня во время работы думала не только о ней и не ощущала полного подчинения своего тела и мыслей лишь Танцу. А для нее это было именно тем, что отличало настоящую звезду от лучшей актрисы второго плана.

Никола смыла кондиционер и вышла из душа. Вытершись насухо, она накинула на себя халат, наслаждаясь ощущением теплой материи, касающейся ее кожи. Затем, затянув пояс, вышла из ванной комнаты.

И остановилась как вкопанная. На какое-то время она обо всем забыла. Но только на какое-то время.

– Бет! – выдохнула Никола.

– А кого еще ты ждала?

Танцовщица направилась в кухню.

– Прости, если я тебя разбудила, – извинилась она, доставая лазанью из микроволновки, и, вытащив две тарелки, разделила ее пополам. Одну тарелку поставила перед своим стулом, а вторую – напротив себя.

– А я, типа, не голодная, – сказала Бет.

Никола постаралась не обращать внимания на ярко выраженный диалект Черной Страны, на котором предпочитала объясняться ее сестра. Будучи детьми, они обе на нем говорили, но Бет так и не постаралась от него избавиться.

– А ты вообще ела сегодня хоть что-нибудь? – спросила Никола и тут же мысленно одернула себя – когда, наконец, она закончит играть эту роль старшей из близнецов? Старшей, хотя разница была всего лишь в каких-то минутах...

– Ты вроде как не хошь, чтоб я здесь тусила, прада? – спросила тем временем младшая сестра.

Никола смотрела вниз, на лазанью. Неожиданно ей расхотелось есть. Прямота вопроса сестры ее совсем не удивила, а врать было бесполезно. Бет знала ее так же хорошо, как она сама.

– Дело не в том, хочу я или не хочу. Просто прошло так много времени... – уклончиво ответила Никола.

– И кто ж в энтот виноват, сеструха?

Никола сглотнула и отнесла тарелку в раковину. Ей не хотелось смотреть на Бет. Не могла выносить эти обвинения и обиды.

¹⁵ «Кристалл», «Дом Периньон» – марки элитного шампанского.

– У тебя есть какие-нибудь планы на завтра? – постаралась она перевести разговор на что-то менее опасное.

– А чо, конешна. А ты чо, опять вечером впахиваешь?

На это Никола ничего не ответила. Было очевидно, что Бет не одобряет ее образа жизни.

– И на фига ты себя так позоришь? – продолжила младшая из близняшек.

– Мне нравится то, что я делаю, – попыталась возразить Никола. С огорчением она отметила, что ее голос поднялся на целую октаву.

– А чо ж с твоей степенью по социологии? Жалко, чесслово!

– У меня хоть степень есть, – огрызнулась Никола и тут же пожалела об этом. В воздухе чувствовалось напряжение.

– Так ведь это ж ты лишила меня энтой мечты или как?

Никола знала, что Бет именно ее винит за их взаимное охлаждение, но у нее никогда не хватало мужества прямо спросить сестру почему. Она наклонилась к раковине и вцепилась в ее край.

– Зачем ты вернулась?

– А куда мне еще деваться?

Никола молча кивнула, и обстановка разрядилась.

– И все теперь, типа, вернется на свои места? – негромко спросила Бет. Сестра почувствовала в ее голосе такую беззащитность, что ее сердце заныло. Есть связи, которые невозможно разорвать.

Грязная тарелка перед ее глазами расплылась, и на нее навалились все те годы, которые она провела без сестры.

– И как же на этот раз ты собираешься меня защищать, старшенькая?

Никола вытерла глаза и повернулась, чтобы обнять свою близняшку, но дверь ее спальни уже закрылась.

Танцовщица освободила вторую тарелку и негромко сказала, обращаясь к закрытой двери:

– Бет, я не знаю, за что ты меня ненавидишь, но мне жаль. Очень, очень жаль...

Глава 10

В семь утра Ким стояла перед могильным камнем, плотно закутавшись в кожаную куртку. Сильный ветер дул на вершине холма Роули, на котором располагалось кладбище Поук-лейн. Была суббота, а по субботам инспектор всегда находила время для семьи, независимо от того, расследовала ли она новое преступление или нет.

На могилах все еще были видны следы Рождества, оставленные живыми, вечно испытывающими чувство вины перед мертвыми: венки, уже превратившиеся в жидкие веточки и остатки соцветий пуансеттии¹⁶, почти полностью уничтоженных погодой. Имперский красный гранит был покрыт изморосью.

После того, как ей удалось разыскать простой деревянный крест, отмечающий место погребения, Стоун откладывала почти все, что зарабатывала на двух работах, и, в конце концов, купила этот камень. Его установили через два дня после того, как ей исполнилось восемнадцать.

Ким посмотрела на крупные золотые буквы – это было все, что она могла себе позволить в те времена: только имя и две даты. И как и всегда, ее поразил коротенький промежуток между этими двумя датами. Просто мгновение.

Она поцеловала свои пальцы и плотно прижала их к камню.

– Спокойной ночи, малыш Мики. Крепкого тебе сна.

На ее глаза навернулись слезы, но она мужественно сдержалась. Это были те же слова, которые она произнесла, когда маленькое, хрупкое тельце испустило последний вздох.

Ким тщательно спрятала эти воспоминания в дальнем углу своей памяти и надела шлем. Взяв «Кавасаки Ниндзя» за руль, она повела его к воротам. Грохотать двигателем объемом тысяча четыреста кубических сантиметров на территории кладбища казалось ей кошунством, но выйдя за ворота, она немедленно завела мотоцикл. У подножия холма женщина повернула на индустриальную площадку, украшенную надписями «Аренда» – наглядное свидетельство бывшего индустриального величия и достаточно уединенное место, чтобы можно было позвонить.

Ким достала мобильный. Этот разговор не мог состояться рядом с могилой Мики. Она не позволит, чтобы место его последнего упокоения было заражено Злом. Даже сейчас она обязана защищать его.

Трубку сняли после третьего звонка.

– Попросите, пожалуйста, сестру Тейлор, – произнесла сотрудница полиции.

Несколько минут линия молчала, а потом раздался знакомый женский голос.

– Привет, Лили. Это Ким Стоун, – сказала инспектор.

– Привет, Ким, – ответила медсестра теплым голосом. – Здорово, что вы позвонили сегодня. У меня было предчувствие.

Эта женщина каждый раз говорила одно и то же, не изменяя ни одного слова. Ким звонила ей двенадцатого числа каждого месяца уже на протяжении шестнадцати лет.

– Ну, как она? – спросила Ким.

– Рождество прошло тихо, и ей, кажется, понравился хор...

– А приступы буйства?

– Нет, давно уже не было. Ее состояние вполне стабильно.

– Еще что-нибудь?

¹⁶ Пуансеттия прекрасная, рождественская звезда, или молочай красивейший – красный декоративный цветок, распускающийся перед Рождеством. Очень популярен в Англии и США.

– Вчера она опять спрашивала о вас. Хотя она и не имеет понятия о датах, но создается впечатление, что она знает, когда вы должны позвонить, – сказала медсестра и немного помолчала. – Знаете, если вы захотите приехать и...

– Спасибо за информацию, Лили.

Стоун никогда не приезжала и никогда не приедет. Ее мать находилась в психиатрической лечебнице Грантли с тех пор, как Ким исполнилось шесть лет. Там же она и останется навсегда.

– Я скажу ей, что вы звонили.

Инспектор еще раз поблагодарила медсестру и разъединилась. Для Лили ее ежемесячные звонки выглядели как проверка состояния здоровья ее матери, и Ким никогда не пыталась ее в этом разубедить.

Но в действительности Стоун звонила для того, чтобы убедиться, что эта злобная сука-убийца надежно спрятана за решеткой.

Глава 11

– Итак, на чем мы стоим, ребята? Кев, что говорят в отделе розыска пропавших?

– Профессор Милтон только что развелся в третий раз, командир. Типа Саймона Коуэлла¹⁷. И все три его бывших отзываются о нем только в превосходных степенях. Собственных детей нет, но усыновил пятерых. Врагов не замечено.

– Когда он исчез?

– Последний раз его видели в среду. Его ассистентка в колледже подняла тревогу, когда профессор не появился в четверг утром. Он не выходил на связь ни с одним членом своей семьи, что, в его случае, довольно необычно.

– Раньше с ним подобное случалось?

– Если послушать его бывших, то он живая реинкарнация Ганди¹⁸, – покачал головой Доусон. – Очень кроткий и мягкий. – Он сверился со своим блокнотом. – Последняя бывшая говорила с ним во вторник вечером, и он был очень взволнован тем, что получил, наконец, официальное разрешение на раскопки.

– Командир, я узнала кое-что об этом, – вступила в разговор Стейси. – Первый запрос профессор Милтон направил два года назад. В то время он получил более двадцати замечаний по проекту: все они касались вопросов культуры, окружающей среды и политики. Дальше этого я пока не продвинулась.

– Продолжай, Стейси, – кивнула Ким. – Брайант, а мы знаем точно, когда жертва общалась с профессором?

– Кортни прислала мне журнал телефонных разговоров, – ответил Брайант, протягивая бумагу. – Они говорили в среду, в течение двадцати минут около пяти тридцати вечера.

– Значит, все, что мы сейчас знаем, – это то, что жертва имела разговор с университетским профессором в среду вечером. – Ким сложила руки на груди. – И вот теперь она умерла, а профессор бесследно исчез.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился констебль.

– Что вам нужно?! – рявкнула Стоун. Она ненавидела, когда кто-то прерывал ее брифинги.

– Мэм, пришел джентльмен, который хочет с вами переговорить.

Ким посмотрела на полицейского как на сумасшедшего.

– Я знаю, мэм, но он настаивает, что готов говорить только с вами, – принялся объяснять тот. – Он говорит, что он профессор...

Инспектор вскочила.

– Брайант, за мной, – распорядилась она, выходя из двери. – Стейс, узнай все, что возможно, об этой земле.

Она стала спускаться по ступенькам, и сержант еле поспевал за ней.

В приемной к ней подошел мужчина с окладистой бородой и копной выющихся волос.

– Профессор Милтон? – уточнила Стоун.

Он прекратил потирать руки и протянул одну для рукопожатия.

Ким слегка коснулась ее и быстро возвратила владельцу.

– Прошу вас, пойдёмте со мной.

Она провела мужчину по коридору в комнату № 1 для допросов, по пути отдавая новые распоряжения:

¹⁷ Английский телеведущий, продюсер, участник популярных телешоу.

¹⁸ Мохандас Карамчанд Ганди – выдающийся индийский политический деятель, философ; сторонник философии ненасилия.

– Брайант, позвони в отдел розыска пропавших и сообщи им новость – пусть не теряют время. Что мы можем вам предложить, мистер Милтон?

– Чашку сладкого чая.

Брайант кивнул и закрыл за собой дверь.

– Очень многие беспокоились о вас, профессор, – заметила Стоун.

Ей не хотелось, чтобы ее слова прозвучали как укор, но она ненавидела, когда время полиции растрачивалось впустую. Его и так ни на что не хватало.

– Прошу прощения, инспектор, – понимающе кивнул археолог. – Я просто не знал, что мне делать. Всего несколько часов назад я связался с миссис Пирсон, и она рассказала мне о вашем посещении. А еще сказала, что вам можно доверять.

Ким была удивлена, что старая карга успела составить о ней такое мнение.

– Ну, и где же вы были? – спросила она. Это был не тот вопрос, который ей не терпелось задать, хотя, если б рядом с ней сидел Брайант, то он тоже посоветовал бы не торопиться. Было видно, что ученый дрожит и никак не может расцепить руки.

– В пансионе в Бармуте, – ответил он. – Мне необходимо было уехать.

– Но миссис Пирсон сказала нам, что в среду вы были на седьмом небе от счастья...

Мужчина кивнул, и в этот момент в комнату вошел Брайант. В руках он держал три пластиковых стаканчика и, усевшись, подал один из них профессору.

– Вы говорили в тот день с женщиной по имени Тереза Уайатт? – продолжила беседу Ким.

– Да, миссис Пирсон сказала мне, что вы интересовались именно ею. – Было видно, что археолог озадачен. – Но я не совсем уверен, что это как-то связано с тем, что случилось со мною позже.

Стоун не имела ни малейшего представления о том, что с ним случилось, но твердо знала, что Тереза позже превратилась в труп.

– Если это не секрет, зачем Тереза Уайатт вам звонила?

– Никакого секрета тут нет. Она спрашивала, принимаю ли я волонтеров на этот проект.

– И вы ответили?..

– Я ответил, что принимаю волонтеров, отучившихся в университете хотя бы год, – покачал головой профессор. – Мисс Уайатт интересовалась археологией, но не имела никаких специальных знаний. А о том, чтобы получить их до начала проекта в конце февраля, речи не шло.

Ким почувствовала разочарование. Это не тот след, который позволит им найти убийцу. Беседа выглядела вполне безобидной.

– Вы говорили о чем-то еще? – задал вопрос Брайант.

– Она интересовалась, где именно мы будем проводить раскопки, – ответил ученый, помолчав. – Судя по остальной беседе, мне это показалось немного странным.

Да, подумала Ким. Действительно странно.

– А что случилось потом? – спросила она, вспомнив о том, что сказал профессор.

– Я вернулся домой, – тут мужчина с трудом сглотнул, – и Тесс не встретила меня так, как встречала обычно.

Ким бросила взгляд на Брайанта. Доусон сказал, что профессор жил один.

– Обычно она дремлет в спальне, рядом со своей поилкой, но как только я вставляю ключ в скважину, выбегает и машет хвостиком, – продолжил рассказывать ученый.

Ну что же, в этом есть какой-то смысл, подумала Ким.

– А в среду этого не произошло. Войдя на кухню, я позвал ее, но она не появилась, – Милтон еще раз сглотнул. – Она билась в конвульсиях на полу. У нее были стеклянные, широко раскрытые глаза, и в первые несколько секунд я даже не обратил внимания на

записку. Схватив ее на руки, я помчался в ветеринарную клинику, но было уже слишком поздно. Она умерла по дороге... – Профессор вытер правый глаз.

Стоун уже приготовилась спросить его о записке, но Брайант остановил ее.

– Мы искренне сожалеем об этом, профессор, – сказал он. – А она что, болела?

– Вовсе нет, – покачал головой археолог. – Ей было всего четыре года. Но ветеринар даже не стал ее осматривать. Он сразу почувствовал запах антифриза. Оказывается, собачки его любят, потому что он сладкий. Эту гадость налили в ее поилку, и она выпила очень много.

– Вы что-то говорили про записку? – мягко напомнил Брайант.

– Да. Негодяй степлером прикрепил ее к уху собачки, – глаза профессора покраснели.

Ким содрогнулась.

– А вы помните, что в ней было написано? – спросила она.

– Она у меня с собой. – Милтон опустил руку в карман пиджака. – После всего этого ветеринар отдал ее мне.

Стоун взяла записку в руку. С точки зрения экспертизы, эта бумажка была совершенно бесполезна, ибо уже успела побывать в руках профессора и ветеринара.

Инспектор развернула ее и положила на стол. На белом листке бумаги простым черным шрифтом было напечатано:

ОТКАЖИСЬ ОТ РАСКОПОК, ИЛИ СЛЕДУЮЩЕЙ БУДЕТ ТВОЯ ТРЕТЬЯ

– Я даже не стал возвращаться домой. Стыдно признаться, но я был в ужасе, – говорил тем временем ученый. – Правда, ужас и сейчас еще никуда не делся. Кто на такое способен? Я вас спрашиваю, инспектор. – Он допил остатки чая. – Я даже не знаю, куда мне теперь идти.

– К миссис Пирсон, – предложила Ким. Она хорошо помнила выражение лица женщины, когда та говорила о своем начальнике. Этот маленький бульдог никому не позволит приблизиться к нему.

Стоун встала и забрала записку, пока Брайант жал профессору руку и предлагал подвести его туда, куда ему понадобится.

Сжимая записку в руке, Ким вернулась в кабинет. Она не могла избавиться от ощущения, что где-то находится громадная банка, полная червей, а ей только что вручили открытку.

– Так, Кев, мне кажется, что кофе надо освежить, – объявила она. – Стейс, что насчет земли?

– Площадью около акра, расположена рядом с крематорием в Роули. Прямо на самом краю жилого квартала, который муниципалитет построил в середине пятидесятых. До строительства это была территория сталелитейной фабрики, – отчиталась Вуд.

Брайант вошел в комнату, продолжая говорить по мобильному.

– Большое спасибо, Кортни. Вы нам очень помогли. – Посмотрев на своих коллег, он увидел три пары любопытных глаз, уставившихся на него. – А в чем дело?

– Кортни? – повторила Ким. – Мне что, пора рассказать об этом твоей жене?

– Я счастлив в браке, шеф, – Брайант со смешком снял пиджак и повесил его на спинку стула. – Так, по крайней мере, говорит моя жена. А Кортни сейчас зализывает сердечные раны, нанесенные ей Джоанной, преподавательницей английского языка, которая не так давно строила вам глазки.

– Это правда, командир? – Глаза Доусона чуть не вылезли из орбит.

– Успокойся, мальчик. – Стоун повернулась к Брайанту. – А зачем ты ей звонил?

– Следуя вашей всегдашней логике, – сержант приподнял бровь, – я спросил Кортни, есть ли у нее список мест, где работала Тереза Уайатт. Сейчас она его готовит.

– Не забудь послать ей открытку на Рождество. Она сэкономила нам целое состояние на бумаге, – усмехнулась Ким и повернулась к Стейси, пытаясь представить себе территорию, о которой та говорила. – Подожди-ка секундочку... Ты говоришь о земле прямо рядом с крематорием? О той, на которой обычно останавливается передвижная ярмарка?

Вуд повернула экран в ее сторону и показала землю, о которой шла речь. Экран заполнила карта Гугла.

– Смотрите-ка. Вот здесь, возле дороги, есть какой-то огороженный участок, а в остальном это просто заброшенная территория.

Внутренности Ким скрутились в крутой комок. Все ее чувства обострились до предела.

– Стейс, мне необходимо все, что ты сможешь найти по Крествуду. А пока мне надо сделать несколько звонков.

Сев за свой собственный стол, Стоун глубоко вздохнула. Несколько кусочков головоломки встали на свое место. И впервые в жизни она надеялась, что ошибается.

Глава 12

Том Кёртис отвернулся от окна. Обычно дневной свет не мешал ему спать после восьмичасовой смены в доме для престарелых.

Работа была совершенно изматывающей: перемещение дряблых, жирных стариков с места на место, укладывание их в постель, утирание им слюней и подтирание задниц.

Ему удачно удалось избежать двух внутренних расследований, но от третьего, по-видимому, не отвертеться. Дочь Марты Браун навещает ее раз в неделю, и она наверняка заметит синяк во время следующего визита.

Другие сотрудники не обратили на это никакого внимания. Невозможно было не терять время от времени терпения. Будучи единственным мужчиной в команде, Том часто брал на себя ночные смены и, приходя на них, обнаруживал, что самую тяжелую работу оставляли именно ему. А жаловаться он не мог. Если б он честно заполнил свою медицинскую карту, то вообще никогда бы не получил этой работы.

Но спать ему не давала отнюдь не проснувшаяся совесть. Он был абсолютно равнодушен к тем старикам, за которыми ухаживал, так что если их родственникам что-то не нравится, то пусть забирают их домой и сами подтирают им задницы.

Нет, дело было в непрекращающихся звонках его мобильного телефона. И хотя Кёртис выключил звук, они все равно раздавались у него в голове. Том повернулся на спину, радуясь, что жена с дочерью уже ушли и что он один в доме.

Сегодня его ожидал один из Черных дней.

В последние два года Черные дни пунктиром проходили через всю его жизнь. Это были те дни, когда желание выпить становилось непреодолимым. Именно в эти дни Том чувствовал, что трезвость не может стоять всех тех мучений, что достаются ему в жизни.

Оканчивая кулинарную школу, Кёртис и подумать не мог, что в будущем будет менять подгузники старикам. В то время он не мог представить себе ощущение дряблого, желеобразного тела на своей шее, когда ему надо было укладывать стариков в постель и поднимать их утром. Тому и в голову не приходило, что когда-нибудь он будет с ложечки кормить людей, которых, еще до их смерти, уже охватило трупное окоченение.

В двадцать три года Кёртис перенес свой первый сердечный приступ, который закрыл ему путь в ресторанный бизнес. Долгие часы работы и связанный с нею стресс не вязались с долгой жизнью человека с диагнозом «врожденный порок сердца».

И вот, еще сегодня он творил блюда «высокой кухни» во французском ресторане в Уотерс-Эдж, в Бирмингеме, а уже на следующий день готовил бургеры из индейки и жареный картофель для кучи никому не нужных сорванцов.

Многие годы Кёртису удавалось скрывать свое пагубное пристрастие от жены. Но в день второго сердечного приступа вся его ложь выплыла наружу, когда врач сказал, что следующая порция алкоголя будет для него последней.

С того дня он не выпил ни капли.

Том протянул руку и включил звук мобильного. И немедленно раздался звонок. Мужчина нажал на кнопку, сбрасывая его, и увидел список из пятидесяти семи звонков, которые он пропустил за последние два дня. Номера были ему незнакомы, а на экране не высвечивалось никаких имен, но Том знал, кто ему звонит.

Если б звонивший не тратил время впустую, а вовремя попытался бы дозвониться до Терезы, от этого было бы больше пользы. Очевидно, что она раскрыла рот, и за это ее убили.

Мужчина понимал, что разрешение на раскопки заставило всех занервничать, но это не значит, что им надо делать ему контрольные звонки. Он сохранит их проклятый секрет, так же, как они сохранят его собственный. Они же заключили договор. Том знал, что остальные

считают его слабым звеном в целой цепи обманов, но он еще не настолько ослаб, чтобы нарушить договор.

Бывали времена, особенно в Черные дни, когда его так и подмывало заговорить и излить из себя весь этот яд. С такими мыслями легче всего бороться хорошей выпивкой... Кёртис опять мысленно вернулся в прошлое, как делал это каждый божий день. Черт побери, он должен был сказать тогда «нет»! Должен был выступить против всех остальных и сказать свое «нет». Его собственные прегрешения казались ничем по сравнению с последствиями его соглашательства.

Однажды Том обнаружил, что сидит за оградой полицейского участка в Олд-Хилл. Он сидел там в течение трех с половиной часов, борясь со своей совестью. Вставал, садился, ходил вокруг участка и вновь садился. Он рыдал и вставал во весь рост. А потом ушел.

Если б ему хватило мужества рассказать все, то он, скорее всего, потерял бы жену. Если б она узнала обо всем, что произошло, то, как женщина и мать, почувствовала бы к нему отвращение. И самым страшным было то, что Том не мог бы ее за это винить.

Он отбросил в сторону одеяло. Нет смысла пытаться заснуть – сна ни в одном глазу. Надо выпить кофе, и чем крепче, тем лучше.

Том направился на кухню – и замер перед обеденным столом.

Перед ним стояла бутылка «Джонни Уокер Блю Лэйбл»¹⁹ и лежала записка.

При виде жидкости золотисто-янтарного цвета его рот пересох. Бутылка с сорокаградусным алкоголем стоила больше ста фунтов. Это был один из лучших старых виски, изготовленных из зерна и солода – настоящий мировой король виски. Тело Кёртиса реагировало независимо от его сознания – он чувствовал себя так, словно наступило рождественское утро. Том оторвал глаза от бутылки и протянул руку за запиской.

ХОЧЕШЬ – ПО-ТВОЕМУ, ХОЧЕШЬ – ПО-МОЕМУ, НО ЭТО БУДЕТ
СДЕЛАНО. НАСЛАЖДАЙСЯ.

Он рухнул на стул, не отводя глаз от своего лучшего друга и злейшего врага. Ему было ясно, что нужно людям, пославшим ему этот подарок. Им надо, чтобы он умер. И вместе со страхом к нему пришло облегчение. Кёртис всегда знал, что рано или поздно день расплаты наступит. Не в этой жизни, так в следующей.

Том отвинтил пробку, и его ноздри немедленно наполнил аромат. Ему было ясно, что если сейчас он выпьет, то умрет. Он ведь не ограничится одной порцией – у алкоголиков отсутствует само понятие порции. Если он начнет, то прикончит всю бутылку, а для него это означает смерть. И если он выберет такой способ умереть, то никому больше не придется страдать. Жена подумает, что он просто дал слабину, и с нею все будет в порядке. Если сильно повезет, она так и не узнает, что же все-таки произошло. А дочери и не надо этого знать.

Мужчина медленно поднял бутылку и сделал первый глоток. Затем задержался всего на одну секунду, прежде чем вновь поднес горлышко к губам, и после этого уже не останавливался, пока чуть не задохнулся.

Эффект он почувствовал незамедлительно. За два года его тело потеряло всякий иммунитет, и алкоголь побежал по его венам прямо в мозг.

Кёртис сделал еще один глоток и улыбнулся. Не самый плохой способ свести счеты с жизнью.

Еще один глоток – и короткий смехок. Никаких больше ванн, старики. Никаких грязных подгузников. Забудьте о вытирании слюней.

¹⁹ Эксклюзивная лимитированная партия купажированного виски производства компании «Джонни Уокер». В его состав входит 16 редких и наиболее дорогих сортов виски с выдержкой не менее 25 лет. Каждая бутылка имеет свой индивидуальный номер, служащий гарантией ее качества.

Он вновь поднес горлышко к губам и прикончил половину содержимого бутылки. Все его тело горело, и он ощущал настоящую эйфорию. Как будто наблюдал за любимой командой, выносящей противника с разгромным счетом.

Больше не надо будет скрывать сделанного. Не надо будет бояться. Он все делает правильно.

По его щекам потекли слезы. В душе он чувствовал покой и счастье, но его тело предавало его.

Том задержал бутылку у рта и посмотрел на фото, висевшее на стене. На нем его дочь кормила козочек в зоопарке Дадли. Это было в день, когда ей исполнилось шесть лет.

Мужчина скосил глаза. Он не помнил такой улыбки у нее на лице и такого вопроса у нее в глазах.

– Сердце мое, мне очень жаль, – сказал он фотографии. – Клянусь, это было всего один раз.

Выражение лица девочки не изменилось. *«А ты в этом уверен?»* – словно спрашивала она.

Кёртис закрыл глаза, чтобы не видеть осуждающего выражения на лице дочери, но ее образ все равно стоял перед его мысленным взором.

– Ну, хорошо, может быть и больше, чем один раз, но, сердце мое, я в этом не виноват. Это она меня заставила. Она надо мной издевалась и дразнила меня. Я ничего не мог с собой поделать. Но я не виноват.

«Но ведь взрослым был ты?»

Том закрыл глаза, чтобы не видеть этого детского отвращения. На его щеке появилась одинокая слеза.

– Прошу тебя, пойми, что ей было гораздо больше пятнадцати. Она была умна и умела манипулировать людьми, так что я просто поддался ей. Она меня соблазнила, а у меня не хватило сил сопротивляться.

«Она была ребенком».

Кёртис с силой дернул себя за волосы, чтобы физической болью заглушить душевную.

– Знаю, знаю. Но ребенком она как раз не была. Она была коварной девицей, которая знала, как добиться своего.

«Но то, что ты сделал потом, простить нельзя. Папочка, я тебя ненавижу».

Теперь Том уже рыдал во весь голос. Он никогда больше не увидит свою красавицу дочь. Он не увидит, как Эми вырастет и превратится в молодую леди, и не будет защищать ее от мальчишек. Он никогда больше не поцелует эти нежные щечки и не сожмет крохотные ручки в своих...

Мужчина опустил голову, и слезы закапали ему на колени. Посмотрев полными слез глазами вниз, он заметил тапочки, которые Эми подарила ему на День отца²⁰. На них был вышит Гомер Симпсон²¹, его самый любимый персонаж.

«Нет!» – возопил его мозг. Должен быть какой-то другой выход. Он не хочет умирать. Он не хочет терять свою семью. Он должен все им объяснить.

Может быть, ему стоит обратиться в полицию? И признаться в содеянном. Ведь он же был не один. И вовсе не он принимал решения. Он просто последовал за всеми остальными, потому что был молод и испуган. Он был слабаком и глупцом, но не убийцей. Конечно, его накажут, но это стоит того, чтобы видеть, как растет твоя дочь.

²⁰ Впервые в США его отпраздновали 19 июня 1910 г. Теперь он празднуется в третье воскресенье июня (в том числе и в Великобритании).

²¹ Персонаж мультсериала про семейство Симпсонов.

Том вытер слезы и сосредоточился на бутылке. В ней оставалось меньше половины. Он стал молиться, чтобы не было слишком поздно.

Но когда он поставил бутылку на стол, то почувствовал, как кто-то схватил его сзади за волосы и резким рывком поднял его подбородок вверх.

Бутылка упала на пол, пока Кёртис пытался сообразить, что происходит. Он почувствовал прикосновение чего-то острого и холодного, металлического, под левым ухом. Его горло сжимал в захвате чей-то локоть. Том попытался повернуться, но кончик лезвия вошел в его кожу.

А потом Кёртис увидел, как рука в перчатке провела под его подбородком линию слева направо.

Это было последнее, что он увидел в своей жизни.

Глава 13

После третьего гудка Ким повесила трубку. Она надеялась, что ошибается и что чуть не отвлекла очень важных людей от их дел. Стоун с удовольствием приняла бы нагоняй от Вуди за свою ошибку. На этот раз то, что она права, не принесет ей никакого удовлетворения.

Кто-то настроен против раскопок.

– Ну, что там у тебя, Стейс? – спросила Стоун, присаживаясь на край свободного стола.

– Надеюсь, что вы удобно устроились, командир, – отозвалась ее сотрудница. – Здание, которое все еще стоит там, когда-то было частью комплекса, построенного в сороковые годы. В то время комплекс предназначался для лечения ветеранов войны с психическими расстройствами. Солдаты с физическими ранами направлялись в разные учреждения в округе, а вот люди с психическими расстройствами размещались только в Крествуде. На самом деле это была закрытая клиника для тех, кто уже никогда не сможет стать полноценным членом общества. Мы сейчас говорим о машинах для убийства, которым забыли вставить выключатель. Все тридцать пять пациентов этой клиники, которые были там изначально, к семидесятым годам либо умерли естественной смертью, либо совершили самоубийство. После этого здание использовали как исправительное учреждение для несовершеннолетних преступников.

Ким почувствовала раздражение. Под этой старомодной терминологией могло скрываться все что угодно.

– Продолжай, – кивнула она.

– По рассказам, в восьмидесятые годы там царили надругательства над детьми и массовое растление малолетних. Проводилось даже расследование, но никаких обвинений выдвинуто не было. А в начале девяностых там открыли дом для девочек-сирот, но репутация заведения ничуть не изменилась. Из-за сокращения бюджета и необходимости ремонта дом закрыли в двухтысячном году, а в две тысячи четвертом, во время пожара, он почти полностью выгорел.

– Пострадавшие?

– Никаких упоминаний, – покачала головой Стейси.

– Отлично. Кев, Стейс, займитесь списком сотрудников. Я хочу...

Она замолчала, так как заработал факс.

Все они знали, что им передают, и догадывались, что они увидят.

Брайант снял лист с факса и быстро просмотрел его. Он стоял рядом со столом Стейси и протянул ей резюме Терезы Уайатт.

– Ну, вот и всё, ребята. Кажется, у нас появился первый реальный факт.

Все они обменялись взглядами, мысленно просчитывая открывающиеся возможности.

Никто не произнес ни слова.

И тут зазвонил телефон.

Глава 14

– Боже, командир, хоть немного помедленнее! Это же не «Кавасаки Золотое Крыло».

– Спасибо, что сказал, тем более что такого не существует в природе.

– А ты знаешь, что спасти его мы все равно не успеем, – слишком поздно.

Ким притормозила было перед желтым цветом светофора, но потом передумала и пролетела на красный на Редмор-роуд. Она то выскакивала на полосу встречного движения дороги, которая шла вдоль торгового центра Мерри-Хилл, то вновь ныряла в свой ряд.

– Кстати, на этой машине нет sireны, – добавил ее пассажир.

– Послушай, Брайант, расслабься. Мы же все еще живы. – Стоун покосилась на сержанта. – Подумай лучше о ране на своей левой руке. – Она заметила ее под рукавом его сорочки во время брифинга.

– Простая царапина.

– Опять играл в регби вчера вечером?

Брайант согласно кивнул.

– Тебе действительно пора с этим завязывать. Ты или постарел, или слишком неповоротлив для этой игры. В любом случае, рано или поздно ты получишь серьезную травму.

– Спасибо за заботу.

– Каждая последующая травма всегда хуже, чем предыдущая, так что лучше всего завязать.

Стоун пришлось остановиться на следующем светофоре. Брайант отпустил ручку над дверью, за которую судорожно держался, и расслабил пальцы.

– Не могу, – вздохнул он. – Регби – это мой ян²².

– Твой что?..

– Мой ян. Противовес. Моя женушка заставляет меня каждую неделю ходить с ней на занятия по бальным танцам. Так что регби мне необходимо для душевного равновесия.

Ким влетела из крайнего левого ряда²³ на островок безопасности, не обращая внимания на сигналы, которые неслись ей вслед.

– Значит, сначала ты гарцуешь на бальном поле, а потом обнимаешься с потными мужиками для восстановления душевного равновесия?

– Командир, это называется схватка.

– Ты не подумай, что я кого-то осуждаю. – Стоун посмотрела на напарника, стараясь не рассмеяться. – Одного только не могу понять: почему ты добровольно выдал мне эту информацию? Ты же понимаешь, что сильно ошибся?

Сержант откинулся на подголовник, закрыл глаза и застонал.

– Только сейчас дошло... – Он повернулся к Ким. – Давай оставим все это между нами. Хорошо, шеф?

– Не могу обещать того, что не смогу выполнить, – честно призналась Стоун, покачив головой.

– А кому ты недавно звонила? – решил поменять тему разговора Брайант.

– Профессору Милтону.

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что он благополучно добрался до миссис Пирсон.

– Полная фигня, – сказал сержант, закашлявшись.

²² Согласно китайской натурфилософии, *инь* и *ян* символизируют две крайние противоположности, которые уравнивают друг друга. Иногда *ян* используется для обозначения мужского начала.

²³ В Англии левостороннее движение, так что в данном случае Ким пересекает по диагонали все дорожное полотно.

Машины медленно двинулись с места, и инспектор пристроилась за едущим впереди нее автомобилем. В том месте, где три ряда переходили в два, передняя машина резко затормозила, и Ким тоже пришлось нажать на тормоз. Брайант снова вцепился в ручку.

– Итак, что нам известно? – спросила его Стоун.

– Мужчина, ближе к сорока, горло разрезано от уха до уха. Возможно самоубийство, не исключена простая неосторожность.

Ким закатила глаза. На этой работе невозможно было обойтись без черного юмора, чтобы окончательно не сойти с ума, но иногда...

– Теперь куда?

– Налево мимо школы, а там уже будет видно.

С визгом покрышек инспектор повернула за угол, и Брайанта бросило на пассажирскую дверь. Автомобиль взлетел на вершину холма и остановился как вкопанный перед оцеплением: Стоун использовала ручной тормоз.

Из прихожей, больше похожей на коробку, они сразу же попали в гостиную, в которой на диване сидела женщина-констебль, успокаивающая другую женщину, почти потерявшую рассудок. Ким прошла прямо в столовую, соединенную с кухней.

– Боже мой!.. – прошептала она.

– Наверняка еще ничего не известно, – заметил Китс.

Мертвый мужчина все еще сидел за обеденным столом. Конечности его безвольно висели, как у тряпичной куклы, голова была откинута назад, и макушка почти касалась потолка. Стоун сразу же пришли в голову кадры из разных мультфильмов. Для живого человека такой угол наклона был просто невероятен.

По законам физики этот несчастный уже давно должен был упасть на пол, но его удерживала спинка стула, зажатая между затылком и спиной – при этом затылок играл роль крюка.

В зияющей ране на шее виднелась желтоватая жировая ткань, располосованная лезвием. Ударившая струей кровь достала аж до противоположной стены и теперь высыхала на груди у убитого, превращаясь в подобие детского нагрудника кошмарного вида.

– Боже мой! – повторил Брайант, входя на кухню вслед за начальницей.

– Такое впечатление, что у вас одна фраза на двоих, – покачал головой Китс.

Ким не обратила на него внимания, стараясь поточнее запомнить сцену преступления. Она встала прямо над телом и посмотрела на него сверху. Глаза убитого были широко раскрыты, и на лице его был написан ужас.

На полу лежала пустая бутылка из-под виски.

– Он что, пил с утра? – задала вопрос инспектор.

– Думаю, что полбутылки у него в желудке, а вторая половина на ковре, – ответил патологоанатом. – Чертовски жаль. Такой «Джонни Уокер» стоит больше ста фунтов за бутылку.

– Брайант, надо...

– Уже иду.

Сержант повернулся и направился в сторону гостиной. Он гораздо лучше умел обращаться с обезумевшими женщинами, чем Ким. В ее присутствии они почему-то начинали рыдать еще сильнее.

Стоун обошла тело, рассматривая его со всех сторон. В кухне отсутствовали следы борьбы, и все вещи лежали на своих местах.

Возле нее терся один из помощников Китса.

– Инспектор, Киган слишком хорошо воспитан, чтобы попросить вас отойти в сторону, но для меня это не составит труда, – сказал ей медик. – Отойдите, чтобы он мог сделать свою работу.

Ким бросила на Китса уничтожающий взгляд, но послушно отошла в угол комнаты. С ехидным удовлетворением она отметила, что обшлаг на его правой штанине оторвался, но будь проклята та последняя капля оставшейся у нее благовоспитанности, которая не позволила ей сказать об этом вслух.

Киган сделал сначала несколько цифровых фотографий, а потом достал одноразовый фотоаппарат и повторил все сначала.

– Бумажник лежит наверху, так что об ограблении речи нет, – заметил Китс, подходя к Ким. Но в этом она и сама была уже уверена.

– Что за нож? – спросила Стоун.

– Думаю, это был кухонный нож с семидюймовым лезвием, которые обычно используются для резки хлеба.

– Не слишком подробно для предварительного осмотра.

– Или это может быть один из окровавленных ножей, которые лежат в раковине, – пожал плечами Китс.

– Его что, убили его же собственным ножом для резки чертова хлеба?

– Инспектор, я бы не хотел делать столь поспешных выводов, но, – тут врач понизил голос и наклонился в сторону Стоун, – рискну предположить, что кто-то ведет против нас нечестную игру.

Ким закатила глаза. Отлично, сегодня все пытаются сыграть роль комика.

– Как убийца проник в дом?

– Дверь на веранду была открыта, чтобы кошка могла свободно входить и выходить.

– Рада видеть, что кампания «Безопасное жилье» принесла такие отличные результаты.

Инспектор подошла поближе к двери на веранду. Со стороны улицы эксперт покрывал дверную ручку пудрой. Ким внимательно осмотрела каждый дюйм пространства. Внезапно она что-то заметила, наклонилась к земле и внимательно осмотрела палисадник на заднем дворе. Тропинки были сделаны из плитки, со щелями, слегка присыпанными гравием. По периметру шла аккуратная изгородь.

– Китс, кто из сегодняшней команды выезжал вчера в дом Терезы Уайатт? – спросила Стоун.

– Только я, – ответил эксперт, осмотрев всех присутствовавших помощников.

Значит, их только двое.

– На тебе те же ботинки, что и вчера?

– Инспектор, моя обувь...

– Китс, хватит выпендриваться. Просто ответь.

Помолчав несколько мгновений, медик направился в ее сторону.

– Другие.

Сама Ким тоже сменила обувь.

– Посмотри, – предложила она, указывая пальцем на землю.

Мужчина взглянул на объект не длиннее одного дюйма.

– Веточка золотистого кипариса, – произнес он.

Их взгляды встретились, и они оба поняли все возможные последствия этого открытия.

– С виски некоторая проблема, командир, – сказал Брайант, подходя к ним. – Клиент был алкоголиком в завязке. Держался около двух лет. Жена утверждает, что никакой бутылки в доме сегодня утром не было, а из дома он в таком виде никогда не вышел бы. Кроме того, в бумажнике лежит та же сумма денег, которая лежала в нем, когда она утром уходила из дома. Хотя она продолжает осматривать вещи.

– Зачем убийце надо было приносить с собой виски? – спросила Ким, выпрямляясь, и достала маркер для улики из технического чемодана.

– Не представляю, – пожал плечами Брайант. – Правда, у него был порок сердца, так что, возможно, хорошей дозы алкоголя для него было бы достаточно.

Стоун была озадачена. Убийца принес бутылку, понимая, что она может оказаться фатальной для Тома Кёртиса, – и, тем не менее, все-таки отрезал ему голову... В этом не было никакого смысла.

– Наш убийца мог просто принести бутылку и исчезнуть, но ему этого показалось мало. Почему?

– Псих оставляет нам какое-то послание? – предположил Брайант.

– Или убийца знал, что у жертвы проблемы с сердцем, но хотел добавить некий штрих лично от себя; или алкоголь был просто способом расслабить убитого и облегчить выполнение задачи...

Сержант покачал головой, но в этот момент зазвонил мобильный Ким.

– Командир, как полное имя убитого? – раздался в трубке голос Доусона.

– Том Кёртис... а в чем дело? – спросила Стоун, почувствовав, что ее коллегу переполняет волнение. Ее желудок сжался в комок, потому что она уже предвидела ответ.

– Вы в это не поверите, но десять лет назад в детском доме в Крествуде был шеф-повар. Его звали Том Кёртис.

Глава 15

– Благодарю, шеф, за то, что доверили мне отвезти вас назад. Мои нервы не выдержали бы еще одних «американских горок».

– Да уж, это тебе не *мисс Дейзи*²⁴ возить... Кстати, – хорошо было бы добраться до участка еще до выходных.

Брайант направился в сторону Хэлсовена, а Ким достала свой мобильный. Она еще раз набрала номер, по которому уже звонила:

– Профессора Милтона... да... Добрый день. Насчет нашего предыдущего разговора. Все готово?

– Я, милочка, сделал несколько звонков и думаю, что смогу вам помочь.

– Я вам очень признательна, но все дело в том, что у нас появился еще один труп, связанный с первым, так что времени у нас практически не остается.

Она услышала, как археолог резко втянул в себя воздух.

– Все будет сделано, инспектор.

Ким поблагодарила его и разъединилась.

– О чем разговор? – полюбопытствовал ее напарник.

– Не заморачивайся и следи за дорогой.

К тому моменту, когда Брайант подъехал к участку, Стоун уже успела созвониться с Вуди и договориться о короткой встрече с ним. Так что, войдя в здание, она сразу же направилась на третий этаж, постучала в дверь кабинета начальника и открыла ее за секунду до того, как тот разрешил ей войти.

– Стоун, надеюсь, что у вас что-то важное. Я как раз...

– Сэр, убийство Терезы Уайатт гораздо более запутано, чем мы предполагали вначале.

– Это еще почему?

Ким набрала в легкие побольше воздуха.

– В тот день, сэр, когда она была убита, Уайатт позвонила профессору Милтону, который накануне получил официальное разрешение на раскопки в Роули Регис. Она попросила включить ее в проект в качестве волонтера, но ей было отказано. После этого она проявила повышенный интерес к участку, о котором идет речь.

– А почему эта земля так важна?

– Это место, где раньше располагался детский дом.

– Тот, что был рядом с крематорием?

Инспектор кивнула.

– И Тереза Уайатт, и Том Кёртис когда-то работали в этом доме. Через несколько дней после того, как профессор получил разрешения на раскопки, ему угрожали и даже отравили его собаку. А два бывших сотрудника Крествуда были убиты с особой жестокостью.

Вуди устался на пятно на стене за спиной Ким. Он уже начал догадываться.

– Сэр, кто-то не хочет этих раскопок.

– Не надо торопиться, Стоун. Наверняка здесь замешана какая-то политика.

– Оборудование доставят на место завтра утром.

– Стоун, вы сами понимаете, что это невозможно, – начальник Ким сжал челюсти. – Мы должны все тщательно подготовить.

– При всем моем уважении, сэр, это ваши проблемы, а не мои. Судя по той скорости, с которой развиваются события, у нас почти не осталось времени.

²⁴ Намек на «оскароносный» фильм «Шофер мисс Дейзи», в котором главный герой редко превышает разрешенную скорость.

Вуди задумался.

– Вы должны быть там завтра с утра, но раскопки начнутся только после того, как я дам свое разрешение. А до этого вы не имеете права переместить ни одной лопаты земли.

Ким промолчала.

– Стоун, мы хорошо поняли друг друга? – нахмурился ее собеседник.

– Конечно сэр, как скажете.

Женщина встала и вышла из комнаты.

Глава 16

Бетани Адамсон выругалась, когда неожиданный шум нарушил тишину холла. Металлическая пластина между лифтом и лестничной площадкой загремела под ее тростью.

Девушка пошла по коридору, пытаясь найти ключ от входной двери. Делала она это одной рукой, поэтому все закончилось тем, что вся связка загремела на плиточном полу.

Бет еще раз выругалась и наклонилась, чтобы поднять ключи, – боль пронзила ее ногу от колена до бедра. Когда они уже были у нее в руках, она услышала звук отодвигаемого засова в квартире этой старой коровы. Бет выпрямилась и почувствовала, как из соседней квартиры на нее повеяло теплым воздухом.

– У вас всё в порядке? – поинтересовалась соседка.

В ее голосе не было слышно никакого беспокойства, так что эта фраза была больше похожа на скрытое замечание.

Мира Даунс, в своих украшенных мехом тапочках, была ростом в пять футов. Обнаженная кожа на ее ногах была сухой и покрытой волосами.

Бет поблагодарила бога за то, что эта женщина одета в длинный халат. Ее мясистые руки были скрещены на когда-то полной груди, которая сейчас больше напоминала висячие уши спаниеля. На морщинистом лице застыла недовольная гримаса.

Девушка смело посмотрела ей в глаза. Может быть, Никола и боится этой старой коровы, но не она.

– Все путем, миссис Даунс. Меня тока што ограбили и изнасиловали три громилы, так што спасибочки за ваше беспокойство.

– Знаете, некоторые люди иногда пытаются заснуть! – фыркнула женщина.

– Это произойдет быстрее, если вы облокотитесь на дверь.

Лицо соседки изменилось и стало похоже на морду бульдога, в рот которому залетела оса.

– До того как вы здесь появились, этот этаж был вполне приличным местом, а теперь, с вашими скандалами и шумом в любое время суток...

– Миссис Даунс, сейчас половина одиннадцатого, и я, типа, уронила ключи. Проклятые вывернулись из пальцев...

– Ну... ну... – Лицо женщины покраснело. – И как же долго вы собираетесь здесь жить? Еще один жилец против того, чтобы она здесь оставалась. Вот проклятое невезение!

– Ну, я еще, может, здесь поживу. Ник как раз выправляет на меня документы.

Ложь стоила того, чтобы увидеть ужас, появившийся на лице соседки.

– Нет-нет-нет! Я буду говорить с вашей сестрой о...

Эта говорливая кошелка начинала действовать Бет на нервы.

– Слуште, какие у вас, черт побери, проблемы?!

– Знаете что, милая леди, громкий шум по ночам может испугать одиноких жильцов.

– Да кто ж к вам заберется? У вас три замка, и один из них с цифровым кодом. – Адамсон осмотрела соседку с ног до головы. – По-чесноку, вам совершенно нечего бояться.

– Я не могу с вами разговаривать, – сказала Даунс, отходя от двери. – Лучше я поговорю с Никола. Она гораздо приятнее вас.

Тоже мне новости, подумала Бет.

Она продолжала смотреть на соседку, пока та, наконец, не захлопнула дверь. Тогда девушка позволила себе улыбнуться. Эта маленькая стычка была достойным завершением дня.

Она еще несколько раз позвенела ключами, прежде чем войти в свои апартаменты. Положив трость на край софы, уселась и растерла колено. От холода оно болело совершенно невыносимо.

Потом Бет протянула руку за тапочками, стоявшими на краю софы. Овечья кожа была мягкой и нежной, а меховая отделка – изысканной и теплой.

Девушка сняла свои ботинки без каблуков и засунула ноги в дорожную обувь. Тапочки были не ее, но Никола не будет возражать. Они всегда всем делились друг с другом. Ведь для этого и существуют близнецы. Бет встала и постаралась выбросить из головы боль в колене.

Она негромко постучала в дверь спальни Никола. Тишина. А чего она ожидала? Естественно, этой проститутки, ее сестры, не было дома! Она где-то танцевала и за деньги показывала свое тело...

Бет открыла дверь и вошла. Как и всегда, вид комнаты заставил ее задохнуться. Это была именно та комната, о которой они мечтали, прижимаясь друг к другу в Крествуде.

В их комнате должны были лежать розовые подушки и одеяла, подходящие по оттенку. А над кроватями должны были быть балдахины, висящие на изысканных кружевах. Они мечтали о таком же волшебном шкафе, как в Нарнии²⁵, о полках, полных игрушек и шаров с падающим в них снегом, и о волшебных лампах, которые прятались бы у изголовий обеих кроватей. Их воображаемая спальня должна была быть сказочной, светлой и заполненной вещами, которые принадлежат только им. Засыпая, они наблюдали бы за их тенями на стенах.

Бет вошла в комнату. Она провела рукой по полке над камином и в конце ее нащупала одинокого плюшевого мишку, а потом, открыв дверь в гардеробную, отступила от нее на шаг.

Одежда Никола, ее белье и обувь были развешаны и разложены по цветам. В двух ящиках хранились драгоценности. В одном – дорогие и изысканные вещи, разложенные по фирменным коробкам. Бетани заметила, что одна коробка была от «Картье» и две от «Де Бирс»²⁶.

Во втором ящике лежали более крупные и вычурные украшения, которые, как полагала Бет, сестра использовала для работы. Она быстро закрыла этот ящик и двинулась дальше. Ей не нравилось думать о работе Никола. Туалетный столик отделял одежду от полок с обувью. По краю зеркала шла линия простых бесцветных лампочек.

Младшая Адамсон вернулась в спальню и уселась на кровать с пологом на четырех столбиках. Это была комната для принцессы, именно такая, какой они ее себе представляли. И именно в такой комнате они поклялись жить вместе долгие, долгие годы...

Комната их мечты, но только с одной кроватью.

С одной кроватью, которой могла наслаждаться ее сестрица, владеющая всем этим богатством.

Но все то, что было у Никола, не злило Бет так, как ее отказ признаться в том, что она сделала.

Та патетика, с которой старшая сестра отказывалась от прошлого, возмущала младшую все больше и больше. И никакие извинения Никола ничего не могли с этим поделать.

Ее поведение лишило их всякой надежды на счастливую совместную жизнь, и тем не менее она настойчиво притворялась ничего не понимающей.

«Я не знаю, почему ты меня ненавидишь. Я не знаю, что я тебе сделала. Я не знаю, чем я тебя обидела...» И эти отрицания повторялись до бесконечности.

Но что бы ни говорила Никола, в глубине души Бет была уверена, что она знает правду.

²⁵ Детская волшебная страна, придуманная автором Клайвом Льюисом и описанная им в серии романов «Хроники Нарнии».

²⁶ Названия известных ювелирных фирм.

Глубоко-глубоко в душе она это знала.

Глава 17

– Черт возьми, Брайант, ты можешь стоять спокойно?

Сержант переминался с ноги на ногу. Температура ночью опустилась до минус трех, земля покрылась ледяной коркой, а холод от нее проникал сквозь подошвы ботинок и добирался до самых костей.

– Для тех из нас, кто сделан не из титана, – произнес Брайант, пытаясь согреть пальцы теплым дыханием, – сообщаю: холод такой, что яйца вот-вот отвалятся.

– Да будь же ты мужчиной, наконец! – сказала Ким, подходя к краю земельного участка.

По площади весь этот участок равнялся футбольному полю. Он почти незаметно поднимался в сторону ряда деревьев, которые отделяли его северный конец от муниципальной застройки. По его западному краю проходила дорога, отделяющая его от крематория Роули Регис, а с северной стороны, поближе к шоссе, рядом с автобусной остановкой и фонарным столбом располагались остатки большого здания. Эти развалины окружал забор высотой в шесть футов, который не давал видеть нижние этажи постройки. Ким взглянула на запад и покачала головой: как, должно быть, приятно было брошенным, запущенным и прошедшим через надругательства детям смотреть из своих окон на поле мертвых! Иногда равнодушные системы выводило инспектора из себя. Просто в какой-то момент это здание оказалось свободным, и в этом случае ничто другое не имело значения.

Стоун вздохнула и послала воздушный поцелуй в сторону могилы Мики, которая сейчас была скрыта за полосой тумана на расстоянии двух сотен футов от остального мира.

К грунтовой стоянке на верхнем конце площадки подъехала «Вольво» – универсал. Ким подошла к машине в тот момент, когда из нее вылезли профессор Милтон и два молодых человека.

– Инспектор, рад вас видеть, – улыбнулся пожилой археолог.

Она обратила внимание на то, насколько разительно изменился внешний вид профессора – его щеки порозовели, а глаза заблестели. Двигался он быстро и целенаправленно. Если это произошло всего после одной ночи, проведенной у миссис Пирсон, то может быть, ей, Стоун, стоит самой записаться к ней на прием? Ученый повернулся к своим спутникам как раз в тот момент, когда рядом с ними появился Брайант.

– Позвольте вам представить: Даррен Браун и Карл Ньютон. Волонтеры, которые должны были помогать мне с раскопками. Они будут заниматься оборудованием.

Ким считала себя обязанной быть откровенной с археологом, который успел столько сделать для них.

– Вы понимаете, профессор, что пока это просто предчувствие? Там может вообще ничего не оказаться.

– А что, если там что-то есть, инспектор? – Глаза у Милтона были очень серьезными, и говорил он низким голосом. – Я пытался получить разрешение на раскопки целых два года, и все это время кто-то ставил мне палки в колеса. Теперь я хочу знать почему.

Ким была рада, что профессор все понимает.

Рядом с машиной профессора припарковался «Опель Астра». Из него выбрался мужчина лет пятидесяти с приличным животиком, в сопровождении высокой рыжеволосой женщины, которой, по оценке Стоун, было где-то ближе к тридцати.

– Дэвид, спасибо, что приехали, – сказала она мужчине.

– Мне кажется, что у меня не было выбора, инспектор, – заметил тот с полуулыбкой на губах.

– Профессор Милтон, познакомьтесь, пожалуйста, с доктором Мэтьюзом, – представила ученых друг другу Ким, и они пожали друг другу руки.

Стоун встретила с доктором Дэвидом Мэтьюзом в университете Глеморгана. Это учебное заведение, совместно с Кардиффским университетом и Управлением полиции по Южному Уэльсу, образовали уникальное в Соединенном Королевстве учебное заведение, которое называлось Университетским институтом по изучению проблем полицейской деятельности. Оно занималось научными исследованиями и подготовкой персонала в области расследования криминальных преступлений.

Доктор Мэтьюз был консультантом в Глеморганском центре криминологии и сделал большой вклад в организацию в Университете курса по изучению места преступления. Два года назад Ким присутствовала на одном из семинаров курса и предложила несколько усовершенствований, основываясь на своем собственном опыте. В результате она провела два дня своего уик-энда в университете, работая с Дэвидом.

– Позвольте представить вам Черис Хьюз, – познакомил он всех со своей спутницей. – У нее диплом по археологии, и она только что закончила курс по криминалистике.

Ким кивнула женщине.

– Отлично. Главное, чтобы вы понимали, что, пока у нас нет разрешения, нам нельзя начинать копать. Мой босс сейчас пытается обойти все эти бюрократические препоны, но мы не имеем права что-либо предпринять, пока все бумаги не будут в порядке. Если вы увидите что-то подозрительное, сообщите мне.

Доктор Мэтьюз сделал шаг вперед.

– На все про все у вас есть три часа. Но если к концу этого срока вы ничего не обнаружите, мы с Черис уедем.

Ким кивнула. Три часа его драгоценного времени против двух дней ее отдыха. Вполне справедливо.

– А пока мы возьмем пробу земли, чтобы определить, какая здесь почва, – продолжил Дэвид.

Стоун внимательнее посмотрела на Черис. Внимательный, пристальный взгляд голубых глаз, ярко-рыжие волосы так коротко подстрижены, что едва достают до нижней линии квадратного подбородка... Ее нельзя было назвать красавицей, но в ее лице было что-то загадочное, привлекающее внимание.

Хьюз встретила с инспектором взглядом, а потом последовала за Дэвидом, который отправился на верхний край участка.

Последнее место на парковке занял фордовский фургончик. Женщина-водитель открыла задние двери. Внутри находился попыхивающий паром резервуар и лежало множество завернутых в пергамент и фольгу пакетов.

– Это что, сон? – закашлялся Брайант.

– Нет, явь. Проследи, чтобы каждый выпил что-нибудь горячее и съел сандвич с ветчиной, прежде чем начнется работа, – велела ему Стоун.

– Знаешь, шеф, иногда... – улыбнулся сержант.

Концовку Ким не услышала, потому что направилась вниз по участку к развалинам здания.

Она обошла его по периметру, двигаясь вдоль забора, и убедилась, что калитки нигде не видно. Фасад здания смотрел на шоссе и на жилые дома на его противоположной стороне. Слишком много любопытных глаз. Инспектор вернулась к тыльной части здания и занялась поисками слабого места в заборе.

Он не был сделан из вертикальных досок, традиционно заходящих одна на другую. Каждая его секция состояла из горизонтальных брусьев прочного, толстого дерева, которое обычно применяется для изготовления палетт, и они не были плотно подогнаны друг к другу. Между девятидюймовыми деревяшками проникали слабые солнечные лучи. Ким подергала один из столбов. Его основание успело сгнить, и он свободно качался в земле.

– Даже не думай, командир, – сказал Брайант, протягивая ей горячий пластмассовый стаканчик. Она взяла его в левую руку и продолжила исследование столбов. Следующие два были крепкими, а вот четвертый вновь свободно раскачивался.

– Как тебе удалось заполучить доктора Мэтьюза? – поинтересовался ее напарник. – Ты что, запугала его?

– А что в твоём понимании значит «запугать»? – задала Ким встречный вопрос, раскачивая следующий столб. – Хотя лучше не говори. Тогда я смогу вполне правдоподобно отрицать свою вину и всякое такое... А кроме того, присутствие здесь эксперта по судебной археологии никому не помешает.

– Полностью согласен. Правда, не забывай, что мы не имеем права приказывать кому бы то ни было что-то здесь делать.

Стоун пожала плечами.

– Представь себе на минуту, что под землей ничего нет, – сказал Брайант.

– Значит, мы все отправимся по домам пить чай. А если есть? Тогда мы сделаем рывок прямо на старте. Доктор Мэтьюз имеет право...

– Да знаю я все это. Он только что подробнейшим образом рассказал мне о своем образовании. Но Вуди подчеркнул, что до его разрешения мы не должны ничего делать.

– Послушай, ты прямо на глазах превращаешься в зануду.

– Просто пытаюсь прикрыть твою задницу, шеф.

– С моей задницей всё в порядке. Так что беспокойся лучше о своей собственной – особенно если ты собираешься умять и вторую булочку с ветчиной, которая лежит у тебя в кармане.

– Откуда ты о ней знаешь?

Ким покачала головой. «Да потому что ты не мог не принести ее для меня, хотя и знал, что я до нее не дотронусь!» – подумала она.

Отойдя от изгороди, инспектор допила свой кофе.

– А вот теперь надо решить – перелезть или просто проломить ограду? – пробормотала она.

– А может быть, постараться держаться от нее подальше? – простонал Брайант.

– Такой вариант я к рассмотрению не предлагала.

– У нас нет разрешения заходить на территорию.

– Или ты мне помогаешь, или идешь на все четыре стороны. Так что тебе решать...

Женщина поставила пустой стаканчик на землю, и Брайант тяжело вздохнул.

– Если ты разломаешь загородку, то откроешь детям доступ к этим развалинам.

– Тогда надо перелезть.

Ким направилась к одной из секций изгороди между двумя крепко стоящими столбами. Прицелившись, она ударила ногой по одной из перекладин на высоте собственного бедра. Перекладина затрещала. Ким ударила еще раз, и деревяшка разлетелась на две половины. Стоун пропихнула сломанные концы внутрь изгороди, так чтобы нижнюю перекладину можно было использовать в качестве ступеньки. Одним быстрым движением она поставила на эту ступеньку свою левую ногу и, воспользовавшись плечом Брайанта как точкой опоры, подтянулась. Схватившись за левый столб, перекинула ногу через верхнюю перекладину и, найдя точку равновесия, уселась верхом на изгороди, перекинув ноги во двор. Спрыгнула она с нее спиной вперед и приземлилась на согнутые в коленях ноги, чтобы смягчить удар от контакта с землей. В высокой траве вокруг дома было полно крапивы. Ким осторожно прошла к единственному разбитому окну, которое она увидела на первом этаже. Высокая ограда защитила окна на первом этаже от вандалов, в то время как все окна на более высоких уровнях были разбиты вдребезги.

В траве стоял жестяной бак для мусора. Сняв с него крышку, инспектор ударила ею по остаткам стекла в окне.

– Что ты, черт побери, там делаешь?! – крикнул Брайант.

Начальница не стала ему отвечать, а выбила еще пару торчащих осколков стекла, перевернула бак и встала на его дно. Затем осторожно пролезла в окно и оказалась на чем-то вроде длинного стола из формайки²⁷, по всей видимости, предназначенного для какой-то работы, который тянулся вдоль всей стены, разделенный только двойной раковиной.

Ким осмотрелась и заметила стены, поврежденные огнем. Она читала, что пожар вспыхнул именно на кухне. Самыми темными стены были возле двери, ведущей в коридор. Все углы помещения были затянуты целыми покрывалами из паутины.

Где-то в глубине здания раздавались звуки капающей воды, хотя всю воду должны были перекрыть затычкой. Стоун решила, что это капает дождевая вода, которая попадает в здание через разрушенную пожаром и временем крышу.

Переступив через порог, она увидела, что коридор разделяет здание на две равные половины. Стены справа от нее были выкрашены в грязно-белый цвет. Кое-где на них была видна грязь, но в целом огонь их совсем не коснулся.

А вот слева от инспектора деревянные перекрытия, поддерживающие потолок, сильно пострадали от огня. Дверные рамы обуглились, и на стенах осталось только несколько островков краски. Между стропилами свисали обрывки проводов и кабелей.

Пол коридора был покрыт мусором и упавшей сверху потолочной плиткой. Казалось, что чем дальше к концу здания, тем сильнее был видимый ущерб.

Ким вернулась на кухню и еще раз внимательно осмотрела ее. Стенные панели рядом с дверью имели крапчатую поверхность, расцветкой напоминавшую мрамор. Двери холодильника и морозильной камеры были покорежены и болтались на петлях, но на шестиконфорочной плите не было ничего, кроме легкого налета сажи.

Сотрудница полиции открыла дверь ближайшего к плите стенного шкафа, и из него посыпались испражнения грызунов. Изнутри к двери был прикреплен лист бумаги формата А4, на котором все еще можно было что-то прочесть. С левой стороны были расположены имена девочек, а с правой находился график их недельных дежурств.

Стоун на минуту замерла. Она подняла руку и дотронулась до первых в списке имен. Ким ведь тоже была одной из этих девочек – правда, не здесь и не в то время, – но она подсознательно знала каждую из них, душой ощущала их одиночество, боль и гнев.

Неожиданно инспектор вспомнила свою приемную семью № 5. Из своей крохотной комнатки в самом дальнем углу дома она ночи напролет прислушивалась к нежному курлыканью, доносившемуся из дома напротив. Когда голубей выпускали, она провожала их глазами, желая им улететь подальше и навсегда избавиться от неволи. Но они всегда возвращались.

И в Крествуде было все то же самое. Иногда его птичек освобождали, но они все равно возвращались домой.

Как и выход из тюрьмы, освобождение из детского дома сопровождалось пожеланиями, полными надежды, но вот уверенности, что они сбудутся, в них не было.

Мысли Ким были прерваны воем сирены вдаль. Женщина выбралась из кухни, встала на бак для мусора и спустилась на землю. Не успела она перенести бак к ограде, как вой сирены и шум двигателя смолкли.

– Привет, Келвин. Это еще что за представление? – громко произнес Брайант.

Ким прикрыла глаза и прислонилась к ограде.

– Нам сообщили, что кто-то находится внутри здания, – услышала она ответ.

²⁷ Формайка – сорт пластмассы с бакелитовой основой.

Отлично, значит, полиция приехала за ней.

– Да нет, это я здесь понемногу шпионю, – кашлянул Брайант. – Досталась же мне сегодня работенка – следить за этой бригадой землекопов, вот я и развлекаюсь, пытаюсь выяснить, что за изгородью...

– Но в здание вы не заходили? – с сомнением спросил констебль.

– Да нет, приятель. Ведь я же не полный идиот!

– Понял, детектив. Тогда не буду вам мешать.

Констебль повернулся, чтобы уйти, но затем сделал несколько шагов назад.

– Эту работенку подбросила вам ваша начальница? – спросил он.

– А кто же еще?

– Должен сказать вам, сэр, что вам сочувствует весь участок. Ведь надо же, какой попалос – работать с таким конем с яйцами!

– Знаешь, если б она тебя услышала, то, скорее всего, согласилась бы с тобой, – закашлялся Брайант.

– Холодная, как ледышка, правда?

За забором Ким согласно кивнула. Да, ледышка, и в этом нет ничего плохого!

– Да нет, она не так уж плоха, как кажется.

Стоун чуть не застонала. Ничего подобного, она еще хуже!

– Более того, как раз пару дней назад она жаловалась, что все вы, ребята, ее избегаете и совсем с нею не общаетесь.

Брайанта она точно убьет. Но медленно.

– Да никаких проблем, сэр. Я это обязательно запомню, – сказал констебль.

Потом, вернувшись к машине, он передал в дежурку, что на территории дома всё в порядке.

– Сукин сын, – прошипела Ким сквозь изгородь.

– Ой, командир, прошу прощения! – воскликнул ее коллега. – А я и не знал, что ты там... слушаешь.

Стоун встала на бак и покинула территорию тем же путем, каким и попала на нее. Она приземлилась на ноги, но как будто бы случайно покачнувшись, врезалась в Брайанта и чуть не сбила его с ног.

– Прошу прощения, – произнесла она.

– По шкале искренности извинений это тянет на оценку «минус семь», – заметил ее напарник.

– Детективы, – произнес профессор, появляясь перед ними, – мы готовы начинать.

Брайант не отводил взгляда от Ким, пока археолог возвращался на свое место.

– Ну, и что же ты узнала во время своей противозаконной вылазки на сбор улик? – спросил он начальницу.

– В отличие от письменного отчета, пожар начался не на кухне.

Глава 18

Ким догнала профессора, когда тот уже подходил к Биллу и Бену²⁸, как она прозвала волонтеров.

– Доктор Мэтьюз закончил первичный анализ почвы – оказалось, что в ней много глинозема, – сообщил Милтон.

Совсем не удивительно, ведь речь идет о Черной Стране.

– Такие условия будут влиять на показатели радара, так что мы начнем с магнитометра, – сказал Мэтьюз.

– *Gesundheit*²⁹, – пожелал им Брайант.

Профессор проигнорировал это замечание коллеги Ким и продолжал разговаривать, обращаясь только к ней, как будто инспектор понимала, о чем он говорит. Стоун редко подвергала сомнению профессиональные знания других людей. Она всегда тщательно выполняла свою работу и ожидала того же и от других.

– Магнитометр с помощью сенсоров измеряет изменения магнитного поля. Причиной этих изменений могут быть материалы различной плотности – наш прибор способен определять изменения поля, вызванные нарушением поверхностного слоя земли и наличием в ней разрушающихся органических материалов, – объяснил археолог.

Билл двинулся в их сторону в сопровождении Бена. По мнению Ким, он был похож на главного персонажа из «Терминатора». Через плечо у него был перекинут черный ремень, поддерживающий удилице приблизительно шести футов длиной, которое он держал параллельно земной поверхности. На переднем конце удилица, перпендикулярно к нему, располагалась перекладина, на которой крепились сенсоры. От них к прибору, который крепился на поясе, шли черные провода, а на спине Билла виднелся черный же матерчатый вещмешок.

– Мы начнем с нижнего конца участка и будем двигаться по прямым линиям, как будто стрижем лужайку, – сказал он всем остальным.

Ким кивнула, и троица отошла в сторону.

Доктор Мэтьюз с помощницей скрылись в теплой машине.

– И тебя все это устраивает, командир? – спросил Брайант.

– А почему меня должно что-то не устраивать? – огрызнулась Стоун.

– Ну, понимаешь, хотя бы потому...

– Не понимаю. И если ты сомневаешься в моих способностях, то можешь обсудить это с моим непосредственным руководством.

– Ты же знаешь, шеф, что я никогда этого не сделаю. Я спросил, потому что беспокоюсь за тебя.

– Со мною всё в порядке, и оставь меня в покое!

Инспектор никогда не рассказывала о своем прошлом, но Брайанту было известно, что какое-то время она находилась в приюте для брошенных детей, хотя и не знал, по какой причине. Он знал также, что ее мать страдала параноидной шизофренией, но как эта болезнь отразилась на Ким, ему было неизвестно. И еще Брайант был в курсе, что у Стоун когда-то был брат-близнец, но не знал, как и когда тот умер. Все о ее прошлом было известно только одному человеку в мире, и его начальница дала себе клятву, что так это и останется навечно.

Раздался звонок ее мобильного телефона. Это был Вуди.

– Сэр? – с надеждой произнесла она в трубку.

²⁸ Билл и Бен – персонажи популярного одноименного мультсериала.

²⁹ Будьте здоровы (нем.).

– Все еще ждем, Стоун. Позвонил просто убедиться, что вы не забыли того, о чем мы говорили вчера.

– Конечно, я помню, сэр.

– Потому что, если вы попытаетесь нарушить мое распоряжение...

– Сэр, уверяю вас, что мне можно доверять.

Брайант покачал головой.

– Если я не получу разрешения в течение ближайших двух часов, отпустите профессора Милтона и поблагодарите его от моего имени, – продолжал Вудворд.

– Да, сэр, – ответила Ким. Слава богу, что он не знает о докторе Мэтьюзе!

– Я знаю, что нет ничего хуже, чем просто ждать у моря погоды, но процедуру надо соблюдать.

– Я понимаю, сэр. Здесь Брайант хочет высказать вам свои сомнения насчет того, как ведется расследование.

Она протянула коллеге телефон. Тот зверем посмотрел на нее, прежде чем отойти на несколько шагов.

– Хотя нет. Кажется, я ошиблась, – заявила Стоун.

Вуди поцокал языком и разъединился. Ким набрала номер Доусона. Тот ответил после второго гудка.

– Что там у вас?

– Не так много, командир.

– А имена других работников получили?

– Пока нет. Местные власти не так открыты для сотрудничества, как Кортни. Сейчас мы просматриваем все статьи, в которых упоминается Крествуд, и пытаемся найти что-нибудь полезное для нас. Однако все, что мы пока смогли обнаружить, – это отчет о том, что некто пастор Уилкс совершил благотворительное восхождение на Три Пика³⁰, чтобы собрать деньги для однодневной экскурсии для девочек.

– Хорошо, Кев. Дай мне Стейси.

– Доброе утро, командир, – послышался в трубке голос мулатки.

– Стейс, я хочу, чтобы ты занялась составлением списка детей, которые жили здесь в тот момент, когда дом загорелся.

Даже если таким образом они ничего не найдут, им все равно придется встречаться с экс-воспитанницами, чтобы выяснить, что связывало Терезу Уайатт и Тома Кёртиса.

Вуд пообещала заняться этим немедленно и разъединилась.

Ким посмотрела на волонтеров. Они прошли уже около сорока футов и теперь остановились, проверяя оборудование.

Поискав глазами, она увидела Брайанта, стоявшего на краю участка спиной к ней. Странно, но инспектор почувствовала себя виноватой за то, что окрысилась на него. Женщина понимала, что его вопрос был вызван беспокойством за ее судьбу, но она не умела правильно реагировать на проявление заботы.

– Эй, послушай, а ты все еще не съел булочку с ветчиной? – спросила она, дергая мужчину за рукав.

– Нет. А ты что, хочешь?

– Нет. Лучше выброси ее в урну. У тебя и так слишком высокий холестерин.

Не успела Стоун произнести эти слова, как поняла, что они могут быть по-разному истолкованы.

– Ты что, общалась с моей благоверной? – спросил Брайант.

³⁰ «Вызов Трех Пиков» включает в себя восхождение в течение 24 часов на три самые высокие вершины Англии, Уэльса и Шотландии – Скаффель-Пик (978 м), Сноудон (978 м) и Бен Нэвис (1344 м) соответственно.

Ким улыбнулась. Она получила от нее СМС-сообщение два дня тому назад.

Услышав какое-то движение, Стоун обернулась. К ним чуть ли не бегом направлялся профессор. У него было покрасневшее возбужденное лицо.

– Инспектор, прибор показывает интересные данные! Мне кажется, что мы что-то нашли.

– Командир, у нас все еще нет разрешения, – сказал Брайант, не отрывая от начальницы глаз.

Та ответила ему долгим взглядом. Если в земле находится мертвое тело, то она не позволит ему находиться там ни секундой больше, чем это требуется.

– Начинайте копать, – кивнула Ким профессору.

Глава 19

– Командир, со всем моим уважением, но тебе не кажется, что ты сошла с ума?
– Что тебя так волнует, Брайант?
– То, что ты вполне можешь за это лишиться работы.
– Но это же моя работа, – пожала Ким плечами.
– Все правильно, но иногда не вредно остановиться и немного подумать.
– Давай так. Ты постоишь вот здесь и подумаешь за меня, пока я буду делать то, что мне положено.

Стоун отошла от своего коллеги и направилась к профессору. Доктор Мэтьюз мчался по участку, как выпущенный из катапульты.

– Инспектор, я не могу вам этого позволить! Что вы, по вашему мнению, здесь делаете?
– Выполняю свою работу.
– Это не ваша работа до тех пор, пока вы не получите разрешения на раскопки.
– А кто что говорит о раскопках? Мы просто глянем одним глазком.
Все семеро сошлись в одном месте и теперь стояли, глядя на прибор.
– Таким своим поведением вы можете поставить под угрозу все расследование, – предупредил Мэтьюз.

– Доктор, если мы найдем труп, я немедленно перейду на соблюдение всех и малейших правил, но пока мы только наткнулись на какое-то отклонение. И это вполне может быть просто трупом мертвой собаки, – ответила Ким и только после этого сообразила, что сказала. – Прощу прощения, профессор.

– Потенциально это возможное место преступления, – не сдавался Мэтьюз.
– Которое любой энтузиаст со старым миноискателем мог уже давно раскопать. И в этом случае, уверяю вас, он не стал бы выполнять никаких протоколов.

В этом была логика Стоун, и она не собиралась от нее отступать.

Когда Дэвид понял, что она не отступит, он крепко сжал челюсти, после чего осмотрел стоявших вокруг них людей, и вновь повернулся к Ким.

– От этой вашей импульсивности может пострадать будущее всех этих людей.

Инспектор согласно кивнула.

– Дайте мне лопату, – сказала она, поворачиваясь к Биллу и Бену.

– Командир... – попытался вмешаться Брайант.

Волонтеры смотрели на профессора, который, в свою очередь, не отрывал глаз от Ким.

– Да боже ж мой! – простонала она, схватив лопату. – Доктор Мэтьюз, вы вполне можете вернуться в машину и подождать там, пока не поступит необходимое разрешение. Остальные могут заниматься чем им заблагорассудится.

Она подняла руки и воткнула штык лопаты в землю, а потом с помощью правой ноги вогнала ее как можно глубже. Вывернув кусок земли, положила его слева от себя и вновь вонзила лопату в грунт.

Дэвид фыркнул и отвернулся от нее.

– Я отказываюсь принимать в этом участие. Пойдемте, Черис.

– Сейчас, доктор, – произнесла его помощница, не глядя на него. Она поймала взгляд Ким. – Я хочу немного посмотреть.

Какое-то время Мэтьюз колебался, а потом покачал головой и направился к машине.

Ким благодарно улыбнулась эксперту-криминалисту. Ее присутствие обеспечивало ей некоторую защиту, и Черис Хьюз это хорошо понимала.

Стоун продолжила копать. Земля оказалась промерзшей, что грозило потерей кучи времени, но все-таки это было лучше, чем просто стоять, ничего не делая.

– Да провались это все к чертовой матери! – сказал Брайант, протягивая руку за второй лопатой.

Он встал напротив Ким, на расстоянии около шести футов, и тоже воткнул лопату в землю.

Лицо профессора исказилось.

– Нет-нет-нет! – покачал он головой. – Если вы все-таки решили это сделать, то делайте, по крайней мере, правильно.

Следующие два часа Ким и Брайант продолжали рыть, меняясь местами с Биллом и Беном, а Милтон и Черис руководили этим процессом.

Помощница Мэтьюза периодически корректировала местоположение раскопа, сверяясь с данными прибора, – она указывала, где и насколько глубоко надо копать. В какой-то момент она наклонилась совсем близко к тому месту, где копала Ким.

– Господа, – сказала Хьюз, – мне кажется, что вам лучше вылезти. Профессор, вы не подадите мне мой мешок с ручными инструментами?

Стоун вылезла из канавы, которая была уже в шесть футов длиной, в восемь шириной и в полтора фута глубиной.

Она попыталась очистить свою одежду, но это было нереально: высохшие ошметки грязи покрывали ее брюки до колена.

Милтон и Черис сверились с показаниями прибора и указали на несколько точек в раскопе. Молодые люди спустились в раскоп с ручными инструментами и стали следовать распоряжениям Хьюз.

– А с тобой не соскучишься, – произнес Брайант, встав рядом с Ким.

– По крайней мере, ты «сжег» всю булочку, которую съел, – отозвалась та.

– Это точно.

В животе у инспектора что-то заурчало. Половина тоста, которую она съела в половине седьмого, давным-давно переварилась.

– Почти два. Времени до сумерек осталось не так уж много, – заметил Брайант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.